

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

X- 1-

A7

Besedkin, P.

Istoricheskiĭ ocherk...

HARVARD LAW LIBRARY

Received APR 1 1932

1.50

343

✓ c

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПОДЖОГА

ПО

РИМСКОМУ, ГЕРМАНСКОМУ и РУССКОМУ ПРАВУ.

Сочиненію

Павла Бесподкина.

Pavel Bespodkin

Ярославль.

Типографія Г. Фалькъ.

1885.

Com
357

PRINTED IN RUSSIA

Digitized by Google

+

Печ. по опр. Совѣта Демидовск. Юридическаго Лицея. Ярославль. 1885 года

APR 1 1932

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поджогъ является однимъ изъ наиболее интересныхъ въ ряду другихъ преступленій, какъ по тѣмъ теоретическимъ соображеніямъ, какія вызываетъ вопросъ о положеніи его въ системѣ права, о его составѣ и т. п., такъ и потому—если такъ можно выразиться—практическому значенію, какое онъ до сихъ поръ еще имѣетъ въ государствахъ, гдѣ недостаточно хорошо организованы средства борьбы съ огнемъ и мало развита система страхованія. Между тѣмъ, если мы обратимся къ литературѣ уголовного права, то окажется, что въ данномъ отношеніи въ ней существуетъ ощутительный пробѣлъ. Въ особенности недостаточно разработана исторія этого преступленія,—тогда какъ только она главнымъ образомъ и можетъ дать твердые устои для теоретическихъ выводовъ, выяснивъ не только юридическую структуру преступленія, но и его чисто бытовое значеніе. О русской литературѣ въ данномъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи: въ ней, насколько я знаю, за исключеніемъ труда бывшаго профессора Демидовскаго Лицея В. В. Сокольскаго ¹⁾, гдѣ преступленіе поджога разсматривается только между прочимъ и только по Уложенію 1649 года ²⁾—не существуетъ буквально ни одной работы по исторіи преступленія поджога. Литература французская—если исключить отсюда недавно вы-

---

¹⁾ W. S o k o l s k y. Beitrag zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen nach der, Уложение ц. А. М. > Dorpat 1868 г.

²⁾ Относительно исторіи поджога до—и послѣ Уложенія 1649 г. здѣсь дается лишь краткій суммарный очеркъ.

педнее сочиненіе о поджогѣ Готье ¹⁾, историческая часть котораго составлена на основаніи трудовъ *нѣмецкихъ* писателей—сводится лишь къ тѣмъ бѣглымъ замѣчаніямъ, какія обыкновенно предпосылаются въ учебникахъ уголовного права изложенію догматическихъ данныхъ относительно того или другаго преступленія. Только въ нѣмецкой литературѣ, кромѣ такихъ замѣчаній въ учебникахъ, встрѣчается еще и нѣсколько оригинальныхъ сочиненій о поджогѣ, — но и изъ нихъ, впрочемъ, позднѣйшее—Osenbrüggen'a ²⁾ представляетъ изъ себя трудъ главнымъ образомъ по догматикѣ преступленія, а не по исторіи его.

Все сказанное имѣеть своею ближайшею цѣлію объяснить, почему — при задуманномъ мною историко-догматическомъ очеркѣ преступленія поджога — я ограничился и долженъ былъ ограничиться лишь очеркомъ историческимъ, и почему, далѣе, этотъ историческій очеркъ является, можетъ быть, не совсѣмъ полнымъ и не вездѣ обстоятельнымъ. Разбросанность, а подъ часъ и полное отсутствіе какого бы то ни было матеріала — вотъ то оправданіе,^f какое я съ полнымъ правомъ могу привести въ свою пользу.

П. Весѣдинъ.

Ярославъ,
15 Октября 1884 года.

---

¹⁾ Gautier, «Etude sur le crime d'incendie». Genève, 1884 г.

²⁾ Osenbrüggen, «Die Brandstiftung in der Strafgesetzbücher Deutschland und der deutschen Schweiz». 1853.

I.

Историческій очеркъ преступленія поджога по римскому праву.

Знаменитый своею практичностью и желѣзной логикой римскій юридическій умъ—столь продуктивный въ области гражданскаго права—мало сравнительно сдѣлалъ въ сферѣ права уголовнаго. Наука уголовнаго права—наука новая, не римская; но тѣмъ не менѣе и она первоначально росла и крѣпла на римской почвѣ. По крайней мѣрѣ то немногое, что римляне оставили послѣ себя въ этой области, часто является горчичнымъ зерномъ всѣхъ послѣдующихъ построений и никоимъ образомъ не можетъ быть пройдено молчаніемъ со стороны современнаго изслѣдователя—криминалиста. Только что высказанное въ особенности вѣрно въ отношеніи преступленія, составляющаго предметъ настоящей работы, т. е. въ отношеніи поджога. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ направленіи римское право въ средніе вѣка непосредственно вліяло на уголовное законодательство и судебную практику европейскихъ народовъ, и въ настоящее время корень многихъ опредѣленій относительно поджога слѣдуетъ искать въ томъ же римскомъ правѣ. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, ясно сказалось то, что абстракціи римскаго права—вѣчныя истины, и какъ всякая истина—космополитичны.

1) Періодъ республиканскій.

Исторія первыхъ временъ Рима не сохранила до насъ законодательныхъ постановленій о преступленіи поджога. Извѣстіе о положеніи его въ то время впервые даетъ знаменитый юристъ временъ Имперіи—Гай въ 4-й книгѣ своихъ комментарій на законы 12 таблицъ; но, какъ думаетъ большинство писателей—криминалистовъ, онъ не сообщаетъ въ данномъ случаѣ подлиннаго текста этого законодательнаго памятника и даже не вполнѣ вѣрно воспроизводитъ его содержаніе ¹⁾.—Самое извѣстіе читается у Гаия такъ:

„Qui aedes acervumve frumenti juxta domum
 „positum combusserit, vinctus verberatus igni
 „necari jubetur, si modo sciens prudensque id
 „commiserit, si vero casu i. e. negligentia, aut
 „noxiam sarcire jubetur aut si minus idoneus

¹⁾ См. напр., Rosshirt, «Geschichte und System des deutschen Strafrechts 1839 г. т. 2. стр. 135, Rein, «Das Criminalrecht der Römer 1844 г. стр. 766. Mayer, «Geschichte der Strafrechte» 1876 г. стр. 657 и сл. Berner, «Lehrbuch des deutschen Strafrechts» 1882 г. стр. 601 и сл. Напротивъ того, Hofacker, «Ueber das Verbrechen der Brandstiftung» въ N. Arch Cr. R. т. V, 1821 г. стр. 81—полагаетъ, что Гай имѣлъ предъ собою текстъ 12 таблицъ и въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ словами закона. Однако онъ не приводитъ въ пользу своего мнѣнія никакихъ доказательствъ, кромѣ указанія на серьезность тона и сжатость слога. Ср. Gautier Étude sur le crime d'incendie, 1884 г. стр. 109—112. Другіе-же, какъ напр., Temme, «Lehrbuch des Schweizerisches Strafrechts» 1855 г. § 209 и Schütze, «Lehrbuch des deutschen Strafrechts» §§ 507—519 даже и не упоминаютъ о законодательствѣ 12 таблицъ, признавая, очевидно, извѣстіе даваемое Гаемъ безусловно ложнымъ.

„sit levius castigatur“.—„Appellatione autem „aedium,“ поясняетъ онъ далѣе, „omnes species „aedificii continetur“. (Gajus lib. IV ad leg. XII tab. L. 9 D. de incend. etc. (47, 9).

Здѣсь, такимъ образомъ, излагаются два вида поджога: 1) умышленный и 2) неосторожный ¹⁾, при чемъ первый облагается смертной казнью ²⁾, а второй влечетъ

¹⁾ Выраженіе «casu id est negligentia» отнюдь не свидѣтельствуешь, ни объ уравниніи здѣсь неосторожности съ виной случайной, ни о наказуемости этой послѣдней. По объясненію Rein'a (ibid. стр. 166) оно явилось въ позднѣйшее время, просто только какъ остатокъ древней формулы противопоставленія случая, включавшаго въ себѣ неосторожную вину, умыслу. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ словахъ Гаю говорится о наказуемости не случая—чего невозможно было-бы и допустить—а именно вины неосторожной, и при томъ не по законамъ 12 таблицъ, а по современнымъ Гаю постановленіямъ; такъ какъ въ эпоху 12 таблицъ неограниченное право вѣрителя на личность несостоятельнаго должника дѣлало-бы излишнюю альтернативу—«aut noxam sarcire jubetur, aut levius castigatur.» Ср. Hofacker «Über d. Verbr. d. Brandst. стр. 86; Gautier» Étude s. l. cr. d'incendie стр. 112. Мнѣ кажется, скорѣе всего можно предполагать даже, что въ древнемъ римскомъ правѣ поджогъ неосторожный уравнивался съ случайнымъ, и, въ противоположность поджогу умышленному, совсѣмъ не облагался наказаніемъ. По крайней мѣрѣ такое смѣшеніе случая съ неосторожностію есть специфическая особенность уголовного права всѣхъ народовъ на первыхъ ступеняхъ его развитія.—Срав., напр., относительно римскаго права Rein'a, ibid. стр. 160, 166; относительно германскаго—Wilda, «Strafrecht der Germanen» Halle 1842 г. стр. 578 и сл.; относительно русскаго—Богдановскаго, «Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго.» 1857 г. стр. 118.

²⁾ Смертная казнь чрезъ сожженіе, какъ полагають, впервые была введена у римлянъ въ эпоху Имперіи (L. 28 D. de poenis; 48, 19) и именно не раньше временъ императора Нерона; поэтому большин-

обязанность возмѣстить ущербъ или — въ случаѣ несостоятельности совершителя — легкое личное наказаніе. Объектами поджога являются строенія вообще (*aedes*) — жилища или нежилая, городскія или расположенныя внѣ города — безразлично — и запасы полевыхъ хлѣбныхъ растеній (*frumentum*), сложенныхъ возлѣ жилаго строенія (*juxta domum positum*). Последняго рода случай при умышленности дѣянія наказывается такъ строго — можно думать — потому, что здѣсь имѣлась въ виду опасность этого дѣянія для человѣческаго жилища и кромѣ того важность самаго объекта поджога.

Вскорѣ послѣ изданія *leg. XII tab.*, именно, ко времени третьяго удаленія плебеевъ (*secessio plebis*) изъ Рима (на Яникуль), по предложенію трибуна Аквилія, былъ изданъ плебесцитъ, получившій названіе *lex Aquilia de damno injuria dato*, — въ силу котораго потерпѣвшій какой либо имущественный ущербъ могъ — при посредствѣ *actionis ex lege Aquilia* — требовать отъ виновнаго возмѣщенія причиненнаго ему убытка. Плебисцитъ этотъ распространялся также и на причиненіе ущерба, посредствомъ умышленно или неосторожно учиненнаго поджога какого либо имущества, узаконяя въ главѣ 3-й отвѣтственность въ размѣрѣ высшей цѣны этого имущества въ послѣдніе 30 дней — ¹⁾.

ство писателей отвергаетъ существованіе ея въ зак. XII таблицъ. См. *W ä c h t e r*, «*Deutsche Strafrecht*» Leipzig. 1881 г. стр. 443 *Beil. II. R e i n*, *Ibid.* стр. 766. *F e u e r b a c h* «*Lehrbuch des reinlichen Rechts*» hersg. v. *Mitterm.* 1844 г. § 360 *Note. 1.* *G a u t i e r*, *ibid.* стр. 111. Напротивъ, *H o f a c k e r* (*ibid* § 6) и въ данномъ случаѣ считаетъ сообщеніе Гая вполне правильнымъ, объясняя суровость наказанія грубостію нравовъ того времени, а самую форму его — сожженіе — тѣмъ, что преступникъ посвящался богинѣ огня — *Vestis*.

¹⁾ *L. 27, § 5 D. ad leg. Aqu. (9, 2).*

Трудно согласиться съ высказаннымъ нѣкоторыми изслѣдователями ¹⁾ мнѣніемъ, по которому *lex Aquilia* отмѣнилъ собою постановленія о поджогѣ *leg. XII tab.* и такимъ образомъ превратилъ этотъ послѣдній въ *delictum privatum*, ничѣмъ не выдѣлявшееся изъ другихъ видовъ поврежденія чужой собственности. Выраженіе источниковъ—

„*Lex Aquilia omnibus legibus, quae ante se de damno injuriae locutae sunt, derogavit, sive duodecim tabulis sive alia quae fuit, quas leges nunc referre non est necesse*“ (L. 1 D. „*ad leg. Aqu. (9, 2)*)—

правильнѣе понимать въ томъ смыслѣ, что этотъ законъ, не измѣняя самаго характера поджога, какъ тяжкаго преступленія, имѣлъ въ виду только опредѣлить—наряду съ уголовнымъ наказаніемъ—гражданскую отвѣтственность преступника—поджигателя предъ потерпѣвшимъ, и съ другой стороны нормировать тѣ случаи, когда поджогъ являлся не въ качествѣ самостоятельнаго, уголовно-наказуемаго дѣянія, а лишь въ качествѣ преступнаго поврежденія чужой собственности ²⁾. Законодательство послѣдующаго времени, правда, отмѣнило санкцію постановленія о поджогѣ *leg. XII tab.* ³⁾, т. е. смертную

¹⁾ См. Mayer, *ibid.* стр. 657, Feuerbach, *ibid.* § 360. Note 1. Berner, *ibid.* стр. 602. Ср. Gautier, *ibid.* стр. 114.

²⁾ На тѣсно-ограниченное значеніе *l. Aqu.* указываютъ и слова вышеприведеннаго мѣста—*legibus, quae ante se de damno injuriae locutae sunt, derogavit*, т. е., что *l. Aqu.* отмѣнилъ тѣ только законы, которые говорили о неправомѣрно причиненномъ имущественномъ ущербѣ. Ср. Rein *ibid.* стр. 769, который признаетъ *actio ex lege Aquilia* только вспомогательнымъ гражданскимъ искомъ.

³⁾ *Lex Porcia* 657 г. и *lex Sempronia* 631 г.

казнь, объявивъ ее преступленіемъ противъ гражданской свободы,—но это отнюдь не препятствовало разсматривать случаи поджога хозяйственныхъ и жилыхъ строеній съ точки зрѣнія тѣхъ-же законовъ, т. е., обсуждать ихъ какъ уголовно-наказуемыя, тяжкія правонарушенія, а не просто только какъ *damnum*, хотя-бы и *injuria datum*. Отмѣна смертной казни имѣла то лишь послѣдствіе, что съ нею *eo ipso* понизился *maximum* наказанія за поджогъ и что съ того времени опредѣленіе мѣры и характера этого наказанія было предоставлено усмотрѣнію суда ¹⁾.

Послѣ *l. Aquilia*, въ теченіи долгаго промежутка времени, римское законодательство совсѣмъ не затрогиваетъ въ своей нормирующей дѣятельности преступленія поджога и только къ концу республиканскаго періода это преступленіе снова выступаетъ на сцену въ законахъ Корнелія—*de sicariis et veneficiis*—и Юлія Цезаря—*de vi publica et privata*.

Lex Cornelia de sicariis et veneficiis былъ изданъ въ 671 г. *ab u. c.* извѣстнымъ диктаторомъ Люціемъ Корнеліемъ Суллой. Поводомъ къ его изданію послужило чрезвычайное увеличеніе въ смутное время, т. е., въ эпоху борьбы Суллы съ Маріемъ, преступленій убійства, отравленія, поджога и насилія вообще ²⁾. Обнимая собою всѣ эти преступленія, названный законъ, вмѣстѣ съ прочими законами Суллы, составляетъ во многихъ отношеніяхъ но-

¹⁾ По практиковавшемуся въ Римѣ способу—преступникъ обыкновенно избѣгалъ судеб. преслѣдованія и наказанія посредствомъ добровольнаго удаленія изъ римскихъ предѣловъ, что въ законахъ Корнелія и Юлія подъ именемъ *aquae et ignis interdictio* становится уже нормальнымъ публичнымъ наказаніемъ.

²⁾ См. *Rein*, «*Criminalr. d. Röm.*» Стр. 407 и сл.; *Zumpt*, «*Criminalr. d. röm. Republik*» т. 2, отд. II. стр. 3 и сл.

вую эпоху въ развитіи римскаго уголовнаго права и является основой и исходнымъ пунктомъ всего послѣдующаго уголовнаго законодательства. Но, что касается, въ частности, тѣхъ постановленій его, которыя имѣли своимъ предметомъ преступленіе поджога, то хотя они и послужили—какъ мы увидимъ ниже—краеугольнымъ камнемъ законоположеній о поджогѣ императорскаго періода, однако сами по себѣ и въ эпоху Суллы обладали значеніемъ узко спеціальнымъ и чисто мѣстнымъ. Дѣйствіе ихъ, какъ видно изъ источниковъ, простиралось въ первое время по изданіи исключительно только на городъ Римъ и на его предмѣстья; они обнимали собою только *incendium, quod in urbe Roma propiusve mille passus factum est* ¹⁾. Причины такого, страннаго на первый взглядъ явленія, очень просты. Ихъ слѣдуетъ искать во 1-хъ, въ исключительномъ въ эпоху Суллы положеніи Рима, какъ центра политической жизни республики гдѣ подготавливались и окончательно разрѣшались всѣ политическіе перевороты и заговоры и куда, по этому, стекалась цѣлая масса, опасныхъ для спокойствія государства, тревожныхъ элементовъ, жившихъ преступленіями и смутами гражданской войны,—и во 2-хъ, въ специфическихъ особенностяхъ самаго преступленія—гибельномъ значеніи стихійной силы огня при пожарахъ въ такомъ большомъ городѣ, какъ Римъ и опасномъ значеніи поджога, какъ средства произвести народную смуту.

¹⁾ Такъ, Ульпіанъ говоритъ: «Capite primo legis Corneliae de sicariis cauetur, ut is praetor judexve quaestionis, cui sorte obvenit quaestio de sicariis ejus, quod in urbe Roma propiusve mille passus factum sit, uti quaerat cum iudicibus, qui ei ex lege sorte obvenierint, de capite ejus, qui cum telo ambulaverit hominis necandi furtive faciendi causa, hominemve occiderit cujusve id dolo malo factum erit et reliqua. (Coll. 1, 3).

Если принять все это во вниманіе, то станетъ вполне понятнымъ, почему Сулла, сдѣлавшись диктаторомъ, прежде всего позаботился о безопасности Рима, издавъ спеціальныя, только на этотъ городъ и на его предметъ распространявшіяся, предписанія о поджогахъ ¹⁾. Гражданскія войны, развратившія народъ и создавшія цѣлыя классы преступниковъ, создали и настоятельную потребность въ чрезвычайномъ охраненіи *salutis reipublicae* и даже просто *salutis urbis Romae*; а до чего сильна была эта потребность и до какой степени въ си-

¹⁾ Впрочемъ, такой взглядъ на объемъ дѣйствія предписаній о поджогахъ *legis Corn. de sic.* раздѣляется отнюдь не всеми изслѣдователями римскаго уголовного права. Въ то время какъ Hofacker (*ibid.* стр. 96), а за нимъ Rein (*ibid.* стр. 767, 769) и Gautier (*ibid.* стр. 120) высказываются за него, Zumpt (*ibid.* стр. 512)—извѣстный изслѣдователь уголовного права республики—утверждаетъ противное на томъ основаніи, что будто-бы вышеприведенные слова Ульпіана *in urbe Roma etc.*—позднѣйшая вставка времени періода императорскаго.—Въ доказательство справедливости послѣдней мысли названный писатель приводитъ слѣдующее соображеніе. «Эти слова (*in urbe Roma*), говоритъ онъ, не могли принадлежать закону Корнелія, иначе изъ нихъ вытекало-бы, что римскіе граждане, жившіе внѣ города Рима, не могли явиться предъ римскимъ судомъ присяжныхъ, а это въ свою очередь означало-бы принятіе исключительно только мѣстнаго ограниченія подсудности,—чего въ періодъ республики не было» (*ibid.* стр. 511).

Но подобное соображеніе, на мой взглядъ, не имѣетъ въ данномъ случаѣ доказательной силы и именно потому, что Цумптъ неправильно принимаетъ здѣсь *tesum probandum sa tesum datum*, или иначе говоря, употребляетъ *circulus in demonstrando*. Что мѣстнаго ограниченія подсудности, какъ общаго принципа уголовного судопроизводства, въ римской республикѣ не было—съ этимъ согласиться можно; но что *lex Cornelia* не могъ распространяться исключительно только на Римъ потому лишь, что это означало-бы его распространеніе не на всю территорію—такого доказательства убѣдительнымъ признать нельзя.

ду этого *lex Cornelia de sic.* былъ проникнуть началомъ предупрежденія и пресѣченія преступленій—видно уже изъ того, что въ немъ „*dolus pro facto accipitur*“ ¹⁾, а потому *lege Cornelia tenetur*, между прочимъ, *qui hominis occidendi furtive faciendi causa cum telo ambulaverit*. Слѣдуетъ замѣтить еще, для полноты характеристики *legis Corneliae de sic.*, что въ римскомъ государствѣ существовали—какъ мы видѣли—постановленія о поджогѣ и въ досулланское время; такъ что, значить, Сулла, имѣя предъ собою рѣзко обозначенные случаи практической жизни, выдвинулъ только особый видъ поджога и создалъ для него особую, тяжкую наказуемость. Съ этой точки зрѣнія легко объяснить, почему *lex Corn. de sic.* имѣетъ дѣло только съ *incendium, quod dolo malo factum est* и ни слова не упоминаетъ о поджогѣ неосторожномъ ²⁾. Послѣдній удовлетворительно былъ нормированъ еще предшествовавшимъ законодательствомъ и только первый—въ виду особыхъ временныхъ обстоятельствъ и для спокойствія Рима—нуждался въ особомъ чрезвычайномъ законѣ.

Вышеизложенное пониманіе *legis Corneliae de sicariis*—что касается постановленій его о поджогѣ—кажется мнѣ и наиболѣе правдоподобнымъ и наиболѣе соответствующимъ природѣ вещей. Римское право, какъ и всякое другое, первоначально создавалось на почвѣ частныхъ случаевъ и только въ послѣдствіи, благодаря обобщающей силѣ римской юридической мысли, абстрагировало

¹⁾ См. Paull. l. 7 D. ad. Leg. Corn. de sic. (48, 8).

²⁾ Что въ l. Corn. de sic. *dolus* и *culpa* не смѣшиваются, подобно тому какъ смѣшаны въ немъ *dolus* и *factum*—видно изъ сообщенія юриста Павла: «*nec in hac lege culpa lata pro dolo accipitur*» (Paull. l. 7 D. ad l. Corn. de sic. (48, 8).

отъ отдѣльныхъ законоположеній вложенные въ нихъ принципы, провело ихъ послѣдовательно по всему разрозненному матеріалу и связало, такимъ образомъ, эти частные случаи, этотъ сырой матеріаль въ отдѣльные законченные институты и законы. Но такая работа принадлежала въ данномъ случаѣ юристамъ императорскаго періода, законы-же предшествовавшаго имъ времени—и главнымъ образомъ *lex Cornelia de sic.*—послужили лишь основой и матеріаломъ для этой работы.

Обратимся теперь къ болѣе подробному ознакомленію съ постановленіями о поджогѣ *legis Corn. de sic.*

Здѣсь мы, прежде всего, наталкиваемся на весьма важный, спорный въ литературѣ римскаго уголовного права, вопросъ о томъ—разсматривается ли поджогъ въ Корнелиевомъ законѣ въ качествѣ лишь средства преступнаго лишенія жизни и грабежа, какъ думаютъ Hofacker ¹⁾, Rosshirt ²⁾, Rein ³⁾ и Berner ⁴⁾, или же составляетъ самостоятельное публично наказуемое преступленіе, какъ утверждаютъ Zumpt ⁵⁾, Mayer ⁶⁾ и Gautier ⁷⁾.

Въ виду чрезвычайной скудости дошедшихъ до насъ относительно *lex Cornelia de sicariis* свѣдѣній, единственное, на что можно опереться при рѣшеніи даннаго вопроса—это тѣ соображенія о цѣли и общемъ характерѣ названнаго закона, которыя были изложены нѣсколько

¹⁾ Hofacker, «Über d. Verbr. d. Brandst.» стр. 103.

²⁾ Rosshirt, «Geschichte und System d. deutsch. Strafrechts Th. 2, стр. 139.

³⁾ Rein, «Criminlr. d. Römer», стр. 768.

⁴⁾ Berner, «Lehrb.», стр. 602.

⁵⁾ Zumpt, «Das criminlr. d. röm. Republik.» т. 2, отд. II, стр. 22.

⁶⁾ Mayer, «Gesch. d. Strafr», стр. 658.

⁷⁾ Gautier, «Étude s. l. crime d'incendie, стр. 121—124.

выше. На основаніи ихъ мы можемъ съ полнымъ правомъ вывести заключеніе, что *lex Cornelia de sicariis* долженъ былъ смотрѣть на поджогъ, какъ на преступленіе само по себѣ опасное, независимо отъ его конечной цѣли,—такъ какъ при его исключительномъ, чрезвычайномъ характерѣ и съ точки зрѣнія *salutis reipublicae*, охранить которую, какъ мы видѣли, онъ имѣлъ въ виду, по меньшей мѣрѣ безразлично было, что и какъ грозило опасностію этой *saluti*—убійство, грабежъ или поджогъ. Такимъ образомъ, „обычная“ ¹⁾ со стороны римскихъ писателей характеристика поджога, удовлетворяющаго требованіямъ *legis Corneliae de sicariis*, какъ *praedae* или *inimicitiarum causa* учиняемаго—этотъ единственный доводъ защитниковъ противнаго мнѣнія—просто объясняется историческими причинами происхожденія Корнелиева закона и вытекавшею отсюда казуистичностію его, и должна быть отнесена только къ описательному способу обозначенія „*dolus malus*“—неизбѣжнаго условія для примѣненія закона. Кромѣ того, указанная характеристика—и этого не нужно упускать изъ виду—отнюдь не въ такой еще степени обычна, чтобы не знать за собою и довольно значительныхъ исключеній. До насъ, по крайней мѣрѣ, сохранились и такія свидѣтельства римскихъ юристовъ, въ которыхъ эти послѣдніе употребляютъ для обозначенія умышленнаго поджога, подпадающаго подъ *lex Cornelia de sicariis*, выраженія совершенно общаго характера—„*dolo malo*“ ²⁾, „*data opera*“ ³⁾, „*consulto*“ ⁴⁾. Объяснять эти выраженія въ смыслѣ словъ *praedae vel*

¹⁾ Hofacker, *ibid.* стр. 113.

²⁾ См. Marc. l. XIV Inst. L. 1 D. ad. l. Corn. de sic. (48, 8).

³⁾ См. Ulp. l. 12, § 1 D. de incendio, ruina etc. (47, 9).

⁴⁾ См. Paull. Rec. Sent. l. 5, T. 3, § 6.

inimicitiarum causa, какъ то дѣлаетъ Hofacker ¹⁾—значить, по справедливому замѣчанію Gautier ²⁾, произвольно искажать источники, а не толковать ихъ.

Итакъ, мнѣніе Hofacker'a, Rosshirt'a и Rein'a, какъ недостаточно обоснованное и кромѣ того не всегда согласное съ прямымъ смысломъ источниковъ, должно быть признано ошибочнымъ. Поджогъ въ Корнеліевомъ законѣ разсматривался отнюдь не въ качествѣ средства совершенія другихъ преступленій, а какъ самостоятельное уголовно-наказуемое правонарушеніе.

Относительно объектовъ этого правонарушенія источники не даютъ намъ никакихъ прямыхъ указаній, и тѣмъ не менѣе—принимая во вниманіе фактъ первоначальнаго распространенія предписаній о поджогѣ *legis Corneliae de sicariis* исключительно только на городъ Римъ и его ближайшія предмѣстья—мы имѣемъ полное право заключить, что такими объектами являлись одни лишь городскія строенія. То или другое свойство или назначеніе этихъ строеній—ихъ обитаемость или необитаемость, принадлежность частнымъ лицамъ или лицамъ юридическимъ—не играло, надо думать, никакой существенной роли; по крайней мѣрѣ тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились до насъ относительно *leg. Corn. de sic.*, даютъ основаніе предполагать, что постановленіе о поджогѣ было составлено Суллою въ самыхъ общихъ выраженіяхъ ³⁾.

¹⁾ Hofacker, «Über d. Verbr. d. Brandst. стр. 104.

²⁾ Gautier, *Etude s. l. cr. d'incendie*, стр. 122.—Вполнѣ основательно осматриваетъ здѣсь Gautier также и то утвержденіе Hofacker'a, что будто-бы слова «*praedae vel inimicitiarum causa*» имѣютъ въ источникахъ техническое значеніе и должны быть всегда переводимы спеціальнымъ выраженіемъ «ради убійства или грабежа». См. стр. 133.

³⁾ Такъ, у Марціана, (l. 1 D. ad l. Corn. de sic. (48, 8), напр., читаемъ: *lege Cornelia de sicariis et veneficiis tenentur, qui homi-*

Необходимымъ условіемъ наказуемости поджога, какъ мы имѣли случай замѣтить выше, являлась наличность злаго умысла—*doli mali*, который опредѣляется обыкновенно римскими юристами описательно, посредствомъ выраженій „*praedandi causa*“¹⁾, „*inimicitiarum causa*“²⁾, „*ob inimicitias vel praedae causa*“³⁾; но иногда обозначается и прямо посредствомъ словъ „*data opera*“, „*dolo malo*“, „*consulto*“⁴⁾. Остается прибавить еще, что по общему правилу въ Корнелиевомъ законѣ *dolus* принимается за *factum*⁵⁾,—хотя *Woringen*⁶⁾, напр., и отрицаетъ примѣнимость этого положенія въ отношеніи поджога.

Наказаніемъ за поджогъ по *lex Cornelia de siccariis* было *aquae et ignis interdictio*⁷⁾, т. е. изгнаніе изъ среды римскихъ гражданъ, которое во времена Суллы равнялось изгнанію изъ Италіи, такъ какъ большая часть итальянскихъ городовъ успѣла уже получить къ этому времени права римскаго гражданства. Съ изгнаніемъ самимъ, однако, не соединялась *ipso jure*, ни потеря римскаго гражданства, ни конфискація имущества; эту послѣднюю впервые узаконилъ Юлій Цезарь въ размѣрѣ половинной доли имущества изгнанника.

nem occiderit, cujusve dolo malo incendium factum erit, quive hominis occidendi furtive faciendi causa cum telo ambulaverit etc.

¹⁾ См. *Paull. Rec. Sent. L. V. T. 20, § 1.*

²⁾ *Ibid. § 2.*

³⁾ См. *L. 28, § 12 D. de poen. (48, 19).*

⁴⁾ См. стр. 11, примѣч. 2, 3 и 4.

⁵⁾ «*In lege Cornelia dolus pro facto accipitur... Paull. L. 7. D. ad l. Corn. de sic. (48, 8).*

⁶⁾ *Woringen*, «*Beitrag zur Theorie der Brandstiftung*, стр. 209 и слѣд. (въ *N. Arch. d. Crr. 1843 г.*).

⁷⁾ «*Incendiariis lex quidem Cornelia aqua et igni interdici jussit*». (*Ulp. l. VIII de off. procons. Coll. 12, 5.*)

Вскорѣ послѣ *lex Cornelia de sicariis* былъ изданъ *lex Iulia de vi publica et privata* ¹⁾, разсматривающій преступленіе поджога съ точки зрѣнія *crimen vis*.

Lege Iulia de vi privata, говоритъ Павелъ, *tenetur, qui coetum, concursum, turbam, seditionem, incendium fecerit* (Paull. Rec. sent. l. V, T. 26 § 3).

По Марціану же напротивъ—*qui coetu, concursu, turba, seditione incendium fecerit*“ (L. 5. D. ad l. Iul. de vi pub. (48, 6)).

Такимъ образомъ, прежде всего, мы имѣемъ два совершенно различныхъ чтенія одного и того же закона; для того чтобы рѣшить какое изъ нихъ правильно—необходимо принять во вниманіе слѣдующія соображенія.

Crimen vis опредѣляется формой и способомъ дѣянія, а не послѣдствіями его, и состоитъ по содержанию своему въ преодолѣніи настоящаго или недопущеніи помощи силы будущаго противодѣйствія.

Правонарушеніе, учиненное *hominibus coactis*, будетъ *crimen vis*, независимо отъ того—было ли при самомъ его совершеніи употреблено насиліе или нѣтъ.

Incendium само по себѣ не составляетъ *crimen vis*,—но *incendium*, учиненное *hominibus coactis*, будетъ *crimen vis*.

Отсюда, слова *coetu, concursu* являются опредѣляющими въ понятіи *incendium*, какъ *crimen vis*, между тѣмъ какъ—*turba, seditio* не являются таковыми; эти дѣянія уже сами по себѣ образуютъ самостоятель-

¹⁾ Въ основѣ этого закона лежалъ *lex Pompeja de vi*, изданный имъ по поводу частнаго случая—убіенія Милономъ Клодія, и сожженія толпой народа, собравшейся на погребенія Клодія, куріи и другихъ зданій. Законъ Помпея былъ изданъ *ad hoc*; ближайшею цѣлю его было установить для даннаго случая *poenam graviorem et formam judiciorum breviorum*.

ный видъ *crimen vis*. Значить, вышеприведенныя мѣста источниковъ нужно признать дополняющими другъ друга и исправить ихъ чтеніе слѣдующимъ образомъ:

Qui coetu, concursu turbam, seditionem, incendium fecerit ¹⁾).

Что касается вопроса—относится-ли поджогъ по *lex Iulia de vi* къ *crimen vis publica*, какъ это дѣлаютъ Марціанъ и Трибонианъ, или—*privata*, какъ дѣлаетъ Павелъ, то нужно замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ онъ не имѣетъ особо важнаго значенія и потому вполне удобно можетъ быть оставленъ въ сторонѣ ²⁾. Гораздо интереснѣе вопросъ о томъ, какой характеръ вообще носило предписаніе *legis Iuliae de vi* о поджогѣ и чѣмъ этотъ послѣдній въ качествѣ *crimen vis* отличался отъ *incendium* по *lex Cornelia de sicariis*.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что *lex Iulia de vi*—что касается общаго характера его—какъ въ свое время и *lex Cornelia de sicariis*, былъ закономъ чрезвычайнымъ и имѣлъ въ виду главнымъ образомъ удовлетворить временной пот-

¹⁾ См. Hofacker, *ibid.* стр. 113 слѣд.

²⁾ До Юстиніана не было принципиальнаго различія между *vis publica* и *vis privata*. По мнѣнію Hofacker'a «въ высшей степени вѣроятно, что въ древнѣйшія времена къ *vis publica* причислялись только тѣ насильственныя дѣйствія, которыя происходили отъ превышенія должностной власти со стороны чиновниковъ государства, все другое было *vis privata*» (Hof. *ibid.* стр. 116, 117); въ законодательствѣ же Юстиніана въ основу различія *vis publica* и *privata* кладется признакъ вооруженнаго (*vis publica*) или невооруженнаго (*vis privata*) насилія.—И въ томъ и въ другомъ случаѣ, очевидно, вопросъ объ отнесеніи *incendium* къ *crimen vis publica* или *cr. vis privata* является вопросомъ факта и не имѣетъ рѣшающаго значенія ни для понятія поджога, ни для опредѣленія его состава.

ренности въ спокойствіи и безопасности римской республики, разптанной гражданскою войною, — и пополнить пробѣлъ, допущенный въ этомъ отношеніи Корнелиемъ Суллой. Нечего, поэтому, искать въ законѣ этомъ точныхъ и ясныхъ опредѣленій и соотвѣтствія ихъ выяснившимся позднѣе началамъ римскаго уголовного права, какъ это дѣлаетъ отчасти Hofacker въ своемъ, прекрасномъ въ общемъ, изслѣдованіи о поджогѣ въ Римскомъ правѣ. Коренная ошибка указаннаго изслѣдователя, мнѣ кажется, и состоитъ именно въ томъ, что онъ игнорируетъ иногда историческую подкладку разбираемыхъ имъ законовъ и въ силу этого смѣшиваетъ часто послѣдующее съ предъидущимъ. Въ дѣйствительности законодательная дѣятельность Юлія Цезаря носила такой-же полицейскій характеръ, какъ и дѣятельность Суллы.

Толпа погребала посредствомъ кремаціи трупъ убитаго Милономъ Клодія. Она совершала въ сущности, не беря въ расчетъ политическаго элемента, дозволенный актъ гражданской жизни; но огонь случайно сообщился зданіямъ (куріи, въ которой происходило сожженіе трупа и затѣмъ другимъ) и истребилъ ихъ ¹⁾. *Lex Cornelia de sicariis* съ неизбѣжнымъ своимъ „*qui dolo malo*“ очевидно не могъ имѣть здѣсь примѣненія, и вотъ Кней Помпей издаетъ *lex de vi*, послужившій содержаніемъ *legis Iuliae*, законъ *ad hoc*, съ цѣлію во что-бы то ни стало и жестоко покарать виновниковъ случившагося и предупредить на будущее время совершеніе подобныхъ дѣяній. Ясно, такимъ образомъ, что въ основѣ *legis Iuliae de vi* лежали тѣ же тенденціи, чтò и въ основѣ *legis Corneliae de sicariis* и что все различіе между ними обус-

¹⁾ См. Z u m p t, «*Das Criminalrecht der Römischen Republik*» т. 2-й, ч. 2-я, стр. 407, 408.

ловливалось чисто случайными, уличными происшествіями. Но именно подъ неотразимымъ давленіемъ этихъ уличныхъ происшествій *lex Iulia de vi*, въ большей еще степени, чѣмъ *lex Cornelia de sicariis*, забываетъ элементарныя начала права, и создавая опредѣленіе по поводу поджога, онъ въ сущности мало занимается и интересуется имъ, какъ таковымъ.

Если *lex Cornelia de sicariis* центръ тяжести преступленія полагаетъ въ умыслѣ, — если въ немъ, ради цѣлей политики вообще и политики уголовной въ частности, *dolus pro facto accipitur*; то, напротивъ того, *lex Iulia de vi* внутреннюю сторону преступленія, субъективный моментъ оставляетъ въ сторонѣ и ради той же политики исключительно занимается формой дѣянія. Съ этой точки зрѣнія *lex Iulia de vi* собственно нельзя и разсматривать въ качествѣ закона, нормирующаго преступленіе поджога, какъ таковое: идея преступленія поджога заслоняется — чтобы не сказать поглощается — здѣсь идеей преступленія насилія, *crimen vis*. Иначе было-бы одно изъ двухъ: или преступникъ подвергался-бы наказанію за квалифицированный, въ силу наличности *crimen vis*, видъ поджога, или же онъ несъ бы отвѣтственность за государственное преступленіе возмущенія, при чемъ о поджогѣ могла бы идти рѣчь только какъ объ отягчающемъ главную вину обстоятельствѣ. Вотъ почему, на мой взглядъ, подъ *lex Iulia de vi* подходилъ всякаго рода поджогъ — и умысленный, и неосторожный — лишь бы онъ удовлетворялъ условіямъ *crimen vis*. Ясно отсюда, что *lex Iulia de vi*, если только возможно относить его къ группѣ законовъ о поджогѣ, шире, чѣмъ *lex Cornelia*, нормируетъ преступленіе поджога съ внутренней стороны, — а тотъ, въ свою очередь, гораздо шире, чѣмъ первый, нормируетъ его съ внѣшней. *Lex Cornelia* узакон-

няетъ, что, при наличности злаго умысла и независимо отъ степени его осуществленія во внѣ и самаго способа дѣянія—виновный подлежитъ наказанію за поджогъ. Напротивъ того, *lex Iulia de vi* говоритъ, что, при наличности пожара, учиненнаго *hominibus coactis*, независимо отъ качествъ преступной воли—виновный подлежитъ наказанію за поджогъ, какъ *crimen vis*.

Заканчивая этимъ разсмотрѣніе исторіи преступления поджога въ республиканскій періодъ римской государственной жизни, я позволю себѣ еще разъ утверждать, что законы Корнелія и Юлія и особенно послѣдній настолько проникнуты интересомъ минуты и политическимъ элементомъ, что отыскивать въ нихъ и только въ нихъ однихъ истинныя начала римскаго уголовного права въ отношеніи преступления поджога—значить дѣлать большую ошибку и смѣшивать послѣдующую обобщающую работу римской юридической мысли съ полицейскою, партійною, игнорирующею часто всякія начала права и справедливости и вдобавокъ поспѣшно-лихорадочною, законодательною дѣятельностію консуловъ и диктаторовъ конца республики.

2) Періодъ Императорскій.

Императорскому періоду предстояла трудная задача связать въ одно цѣлое, очистить отъ постороннихъ праву примѣсей и пополнить тотъ законодательный матеріаль, который остался ему въ наслѣдіе отъ предшествовавшаго времени. Эту задачу блестящимъ образомъ выполнили три фактора: законодательство, юридическая доктрина и судебная практика. Не вдаваясь въ подробности историческаго хода обобщающей и восполняющей пробѣлы за-

конодательной и научной дѣятельности за этотъ періодъ времени, — подробности, которыя едва-ли возможны и умѣстны при скромномъ объемѣ настоящей работы, мы постараемся дать только общій очеркъ установленія и проведенія тѣхъ основныхъ началъ, съ точки зрѣнія которыхъ было нормировано преступленіе поджога и опредѣлена его наказуемость.

Въ основу постановленій о поджогѣ періода императорскаго положенъ былъ, главнымъ образомъ, знакомый намъ *lex Cornelia de sicariis*. Но законъ этотъ утрачиваетъ уже теперь характеръ опредѣленія чрезвычайнаго и изданнаго специально для Рима и получаетъ, напротивъ, значеніе нормы, общей для всего государства. Такая рѣзкая переменѣна обусловливалась постепеннымъ отпаденіемъ тѣхъ причинъ, подъ влияніемъ которыхъ создавалось законодательство Суллы.

Мы видѣли, что ближайшимъ поводомъ къ изданію *legis Corneliae de sicariis* было увеличеніе въ эпоху гражданскихъ войнъ всевозможныхъ преступленій, и что значеніе Рима, какъ центра политической жизни республики, накопленіе въ немъ въ силу этого тревожныхъ и преступныхъ элементовъ и наконецъ опасность пожара въ такомъ большомъ городѣ—все это побудило Суллу издать специальное постановленіе о поджогѣ, распространявшееся на Римъ только и на его ближайшія предмѣстья. Съ возникновеніемъ императорской власти потребность въ такомъ исключительномъ законѣ прекращается, такъ какъ прекращаются гражданскія войны и смуты, а съ ними вмѣстѣ исчезаютъ и тѣ причины, которыми обусловливалось особое положеніе Рима. Постановленіе о поджогѣ *legis Corneliae de sicariis*, такимъ образомъ, теряетъ теперь подъ собой всякую почву, и однако это отнюдь не ведетъ къ его уничтоженію.

Римскіе юристы и законодатели, руководимые присутіемъ имъ въ сильной степени началомъ консерватизма, всегда стремились къ тому, чтобы—не прибѣгая къ отмѣнѣ—поставить старые законы въ уровень съ условіями своего времени, очищая ихъ отъ всѣхъ случайныхъ и постороннихъ праву примѣсей, и тщательно берегая и развивая тѣ начала, которыя представлялись истиннымъ плодомъ юридическаго мышленія и которыя всегда, вопреки всякимъ случайнымъ и временнымъ обстоятельствамъ, сохраняли свой *raison d'être*. Тоже самое явленіе можно подмѣтить и въ настоящемъ случаѣ. Юристы императорскаго періода съ замѣчательною прозорливостію открываютъ истинное зерно предписаній о поджогѣ Корнеліева закона и отбрасываютъ то, что было результатомъ обстоятельствъ временныхъ и случайныхъ.

Смуты республиканскаго періода, правда, не могли уже болѣе повторяться, опасность отъ бродячихъ и преступныхъ элементовъ, угрожавшихъ прежде спокойствію Рима, была устранена, но для него оставалась еще опасность отъ поджога самого по себѣ, опасность распространенія пожара въ силу скученности построекъ, въ силу того, что Римъ былъ городъ,—и такая опасность, не завися ни отъ какихъ временныхъ причинъ, грозила всегда, да и не одному только Риму: она въ одинаковой степени грозила и всякому другому городу имперіи. Все это какъ нельзя лучше поняли и усвоили себѣ юристы имперіи, и согласно полученному выводу, вполне послѣдовательно и цѣлесообразно—вмѣсто отмѣны—измѣнили только постановленіе о поджогѣ *legis Corneliae de sicariis* въ двоякомъ отношеніи. Во 1-хъ, они придали названному постановленію значеніе общей нормы, распространивъ дѣйствіе его на всѣ безъ исключенія города имперіи ¹⁾, и во 2-хъ,

¹⁾ Не нужно думать, однако, что въ императорскій періодъ Римъ

руководясь абстрагированной отъ закона Корнеліева идеей общеполности поджога въ зависимости отъ свойства и положенія объектовъ его, они противопоставили поджогу въ городѣ поджогъ строеній изолированныхъ, расположенныхъ внѣ городской черты.

Такъ возникло въ императорской періодъ римской исторіи дѣленіе поджога на *incendium in oppido* и *in villa commissum*.

Однако законъ Корнелія самъ по себѣ, даже и въ такомъ переработанномъ видѣ, не могъ, очевидно, исчерпать всѣхъ возможныхъ случаевъ поджога, такъ какъ онъ предусматривалъ исключительно только поджогъ строеній и имѣлъ поэтому ограниченную, сравнительно, сферу примѣненія. Чтобы восполнить этотъ существенный пробѣлъ законодательство императорскаго періода дѣлаетъ послѣдній шагъ на пути нормированія разсматриваемаго преступленія: оно создаетъ новую категорію опредѣленій о поджогахъ, куда и относитъ всѣ тѣ случаи его, при которыхъ объектомъ преступнаго дѣянія является не строеніе, а какой либо иной предметъ собственности.

сразу теряетъ свое особое значеніе въ глазахъ законодателя. Въ названный періодъ, какъ извѣстно, онъ становится резиденціей императора и въ этомъ новомъ своемъ достоинствѣ все еще пользуется привилегіей большей охраны со стороны закона, чѣмъ всякій другой городъ имперіи. *Qui data opera in civitate incendium fecerint*, говоритъ Ульпіанъ, *si humiliore loco sint, bestiis subjici solent, si in aliquo gradu e t R o m a e id fecerint, capite puniuntur.* (Coll. T. XII, с. 5).

Только съ раздѣленіемъ римской имперіи на двѣ половины и съ перенесеніемъ резиденціи императора въ Константинополь исчезаетъ послѣдняя причина большей, чѣмъ по отношенію къ другимъ городамъ, заботы законодателя о безопасности Рима въ пожарномъ отношеніи,—въ силу чего Юстиніанъ въ своемъ законодательствѣ и опускаетъ уже знаменательныя слова «*et Romae*», какъ потерявшіе для его времени всякое значеніе.

Такимъ образомъ, преступленіе поджога — съ точки зрѣнія дѣленія его — представляется въ императорскій періодъ въ слѣдующемъ видѣ:

1) поджогъ строеній:

а) городскихъ,

б) расположенныхъ внѣ города, изолированныхъ,

и 2) поджогъ всякихъ другихъ предметовъ собственности.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы перейдемъ къ изложенію тѣхъ свѣдѣній, какія даютъ намъ источники разсматриваемаго періода относительно объектовъ преступленія, его наказуемости и т. под.

Что касается, прежде всего, поджога перваго вида, т. е., поджога строеній, то объектами преступнаго дѣянія при немъ могли быть всякаго вообще рода постройки, независимо отъ свойства или назначенія ихъ. Справедливость этого положенія подтверждается: во 1-хъ, въ отношеніи поджога строеній въ городѣ — тѣмъ, что, говоря о немъ, римскіе писатели не считаютъ даже нужнымъ называть объектовъ его, а просто ограничиваются общими выраженіями — *incendium „in civitate“*¹⁾, *„in oppido“*²⁾, *„intra oppidum“*³⁾, и слѣдовательно, даютъ право считать такими объектами всякія, безразлично, городскія зданія, и во 2-хъ, въ отношеніи поджога строеній внѣ города — тѣмъ, что для обозначенія этихъ строеній они (писатели) употребляютъ — и при томъ безъ всякихъ ограниченій — такіе термины (*casa*⁴⁾, *villa*⁵⁾), которые у нихъ отнюдь

¹⁾ L. 12, § 1, D. de incendio, ruina etc. (47, 9).

²⁾ Paull. Rec. Sent. L. V T. 20, § 1.

³⁾ L. 28, § 12 D. de poen. (48, 19).

⁴⁾ См. Paull. Rec. Sent. L. V, T. 20, § 2.

⁵⁾ Ibid.

не имѣють какого нибудь одного спеціальнаго значенія¹⁾.

Кромѣ того, изъ самой уже формулировки относящихся къ разбираемому преступленію постановленій, именно, изъ противопоставленія въ одномъ и томъ же предложеніи поджогу въ городѣ поджога строеній находящихся внѣ города²⁾ и притомъ изолированныхъ—*casa, villa, insula*³⁾—можно заключить, что законодатель имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ положеніе этихъ строеній—скупенное въ городѣ, изолированное внѣ его— а не то или другое назначеніе ихъ или свойство.

Изъ объектовъ поджога втораго вида, т. е., поджога всякихъ другихъ, исключая строеній, предметовъ собственности, источники особо перечисляютъ слѣдующіе: нивы (*seges*), оливковыя деревья и виноградныя кустарники (*oliva, vinea*) и плодородныя деревья въ широкомъ смыслѣ слова (*fructiferae arbores*)⁴⁾. Причину, по которой перечисляются именно эти, а не другіе объекты, понять не трудно: въ данномъ случаѣ законодатель имѣлъ въ виду не большую или меньшую степень опасности распространенія огня, какъ, главнымъ образомъ, онъ имѣлъ это въ виду въ первомъ случаѣ, а исключительно только особую цѣнность названныхъ предметовъ и ихъ важное хозяйственное значеніе. Но является ли такое перечисленіе примѣрнымъ только, или же оно имѣетъ характеръ исчерпывающій—этого вопроса на основаніи дошедшихъ до насъ свѣдѣній рѣшить невозможно. Однако

¹⁾ Ср., напр., относ. «*casa*» L. 50, D. 7, 1; L. 5, § 1, D. 1, 8. Относ. «*villa*» L. 32, § 5 D. 32, 2; L. 211 D. de verb. sign.

²⁾ См. L. 28, § 12, D. de poen. (48, 19).

³⁾ См. L. 10 D. ad leg. Corn. de sic. (48, 8).

⁴⁾ См. Paull. Rec. Sent. L. V. T. 20, § 3 и 5.

мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если скажемъ, что уголовная наказуемость поджога имѣла свои границы и что тамъ, гдѣ идея общеполитической преступленія не могла имѣть мѣста, а объектомъ дѣянія служили предметы сравнительно малоцѣнные — тамъ поджогъ разсматривался, какъ *delictum privatum* и влекъ за собой только обязанность возмѣстить имущественный ущербъ потерпѣвшему, которому въ этомъ случаѣ предоставлялась *actio ex lege Aquilia de damno injuria dato*.

Съ точки зрѣнія качествъ преступной воли поджогъ въ разсматриваемый періодъ дѣлится на а) умышленный, б) неосторожный и с) случайный. Здѣсь, такимъ образомъ, въ противоположность эпохѣ древняго права, окончательно исчезаетъ смѣшеніе *culpa* и *casus*, выразившееся прежде въ отнесеніи первой въ область послѣдняго и въ противопоставленіи безъ всякаго посредствующаго звена случая умыслу.

Наказаніе за поджогъ различается въ зависимости отъ свойствъ и положенія объекта, качествъ преступной воли и состоянія лица преступника. Такъ, за умышленный поджогъ городскихъ строеній виновный, если онъ принадлежалъ къ *humiliores*, подвергался сожженію живымъ или отдачѣ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ; если же принадлежалъ къ *honestiores*, то казни чрезъ отсѣченіе головы (*humiliores* 2-го разряда) или ссылки (*deportatio*) на островъ (*humiliores* 1-го разряда)¹⁾. За умышленный поджогъ внѣ города жилыхъ строеній или виноградниковъ и оливковыхъ деревьевъ виновный — *humilis* — подвергался *damnatio ad metallum seu in opus publicum*, а *honestus* — *relegatio in insulam*²⁾. Наказаніе за поджогъ не-

¹⁾ См. L. 28, § 12 D. de poen. (48, 19); L. 12, § 1 D. de incendio, ruina etc. (47, 9).

²⁾ Ibid. См. также Paull. Rec. Sent. L. V, T. 20, § 2 и 5.

осторожный не было определено въ законахъ и предоставлялось судебному усмотрѣнію; мы знаемъ, однако, что въ Римѣ praefectus vigilum на основаніи предписанія Августа и одной интерлокуціи Севера, имѣлъ право въ качествѣ полицейскаго наказанія „fustibus castigare eos, qui negligentius ignem gabuerunt“ ¹⁾). Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что наказаніемъ облагалась только высшая степень неосторожности—culpa lata ²⁾), при низшихъ же степеняхъ ея на виновномъ лежала только обязанность возмѣщенія причиненнаго имъ вреда, — а при поджогѣ случайномъ даже и эта обязанность не имѣла мѣста ³⁾).

Что касается, наконецъ, различныхъ степеней осуществленія во внѣ преступной воли, то хотя in abstracto римское право и различало, напр., покушеніе отъ совершенія, — но при тяжкихъ преступленіяхъ, куда относился между прочимъ поджогъ, оно карало ихъ совершенно одинаково.

Общій выводъ изъ всего изложеннаго сдѣлать не трудно.

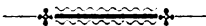
Римское право не отличается особымъ богатствомъ постановленій о поджогѣ, и съ этой точки зрѣнія не представляетъ ничего выдающагося. Его значеніе лежитъ въ другомъ: оно заключается *въ ясномъ и послѣдовательномъ проведеніи начала опасности поджога для собственности*. Несомнѣнно, что эта черта опасности настолько присуща данному преступленію, настолько бросается въ глаза, что не было и не могло быть такого законо-

¹⁾ L, 3 § 1 D. de officio praef. vig. (1, 15).

²⁾ См. напр. Coll. XII, 5 § 2.

³⁾ «Si fortuito incendium factum sit, venia indiget, nisi tam lata culpa fuit, ut luxuria, aut dolo sit proxima (Marcianus l. XIV Inst. l. 11 D. de incendio ruina etc. (47, 9)). См. также W ä c h t e r, ibid., стр. 443, Beilage III.

дателя, который бы не сознавал и не замѣчалъ ея, — но несомнѣнно также и то, что римскому законодателю первому принадлежитъ заслуга осязательнаго выдѣленія этой черты, отвлеченія ея отъ массы частныхъ случаевъ и обращенія въ руководящій принципъ.

II.

Историческій очеркъ преступленія поджога по германскому праву.

1) Отъ эпохи Volksrechte до Каролины.

Поджогъ въ древнемъ германскомъ правѣ самъ по себѣ не составлялъ отдѣльнаго преступленія, но причислялся къ видамъ преступнаго поврежденія чужой собственности, не выдѣляясь изъ другихъ видовъ этого поврежденія даже по способу совершенія ¹⁾. Древне-германскіе законы упоминаютъ о поврежденіи *лѣсовъ* и *бревенъ* ²⁾, *плодовыхъ садовъ* и *виноградниковъ* ³⁾, *заборовъ* и *плетней* ⁴⁾, и *хозяйственныхъ* и *жилыхъ строеній* ⁵⁾.

---

¹⁾ См. Wilda, «Strafrecht der Germanen». Halle, 1842 г., стр. 941, 933, 934. Osenbrüggen, «Das Alamanische Strafrecht im deutsche Mittelalter», 1860 г., стр. 354. Gautier, «Étude s. l. cr. d'incendie», 1884 г. стр. 134.

²⁾ См. Lex Salica, Tit. VIII, § 4 (Laspeyres, «Lex Salica», 1833 г., стр. 33). Alfred's Gesetze, cap. 12 (Schmid, «Die Gesetze der Angelsachsen», стр. 79).

³⁾ См. Lex Salica, c. VIII, § 2, 3 (Laspeyres, ibid., стр. 33).

⁴⁾ Lex Salica, Tit. XVIII, § 4 (Laspeyres, ibid, стр. 53).

⁵⁾ См. L. Bajuvar. Tit. IX, c. 3 (Canciani, «Barbarorum leges antiquae», 1783 г., т. 2, стр. 377), L. Rotharis,

Во всѣхъ этихъ случаяхъ преступнаго причиненія вреда обыкновенно и главнымъ образомъ берется во вниманіе не способъ, употребленный для достиженія цѣли, а величина вреда, при истребленіи, напр., лѣсовъ оцѣниваемая количествомъ и качествомъ деревьевъ, независимо отъ того—были ли они срублены, сожжены или просто сломлены ¹⁾). Какъ и всякій другой неправомѣрно причиняемый ущербъ, поврежденіе вышеозначенныхъ объектовъ посредствомъ огня влекло за собою для совершителя чис-

с. 382 и 146 (Canciani, *ibid.*, т. I, стр. 72, 96), *L. Salica*, Tit. XVIII, § 2, 3. (Laspeyres, *ibid.*, стр. 53).

¹⁾ *Lex Salica*, Tit. VIII, § 4; «*Si quis in silva alterius materiam furatus fuerit, aut incenderit vel concapulaverit DC dinar., qui faciunt solidos XV culpabilis judicetur...*» (Laspeyres, *ibid.*, стр. 33). *Alfred's Gesetze*, Cap. 12, «*vom Waldbrande*». «*Wenn Iemand ohne Erlaubniss eines Andern Holzung abbrent oder abhauet, vergelte er jeden grossen Baum mit 5 Schillingen, und jeden weitem, so viele als es sei mögen, mit 5 Pfennigen und 30 Schillingen zur Wette*» (Schmid, *ibid.*, стр. 79). Точно также и при поврежденіи хозяйственныхъ и жилыхъ строеній тотъ или другой способъ дѣянія во многихъ случаяхъ не играетъ ни какой существенной роли. Ср. напр., Cap. 146 *legis Rotharis* съ cap. 382 того же закона.

Въ англійскомъ правѣ встрѣчается, однако, одно постановленіе, изъ котораго видно, что уже и въ древнюю эпоху было стремленіе къ выдѣленію случаевъ преступнаго поврежденія собственности, когда средствомъ для этого являлся огонь, Такъ, въ законахъ Ина (*Ine's Gesetze*) подъ титуломъ «*Von Waldverbrennen* (с. 43) узаконяется:

«*Wenn Iemand einen Baum im Walde verbrennt, und es wird offenkundig von Dem, der es that, so gelte er die volle Wette und zahle 60 Schillinge, weil das Feuer der Diebest*». Напротивъ того,—«*Wenn Iemand im Walde mehrere Bäume fällt und es später bekannt wird, so vergelte er drei Bäume, jeden mit 30 Schillingen. Er braucht ihrer nicht mehr zu gelten, es mögen so viel sein als es wollen, denn die Axt ist der Anzeiger und nicht der Dieb*». (Shmid, *ibid.*, стр. 41).

то гражданскую обязанность возмѣстить собственнику этихъ предметовъ стоимость ихъ и кромѣ того уплатить извѣстную уголовную пеню, поступавшую въ пользу князя и общины ¹⁾). При поджогѣ, въ частности, домовъ, въ которыхъ находились люди, виновный, кромѣ всего этого, обязанъ былъ уплатить еще и пеню „за обиду“ тѣмъ лицамъ, жизнь коихъ подвергалась опасности ²⁾).

Что касается внутренней стороны дѣянiя, то, какъ видно изъ приводимыхъ Вильда мѣстъ изъ сборника *Gravesc*, уголовная наказуемость его обуславливалась наличностию злой воли, при отсутствii которой причинившii поврежденiе обязанъ былъ только въ теченii 14 дней возмѣстить потерпѣвшему понесенный имъ отъ дѣянiя убытокъ ³⁾).

Совсѣмъ иной характеръ получало преступленiе поджога въ томъ случаѣ, когда оно производилось при отягчающихъ обстоятельствахъ—тайно, ночью, или наоборотъ, явно и съ насилiемъ. Оно образовывало тогда двѣ тяжкихъ формы преступленiя, игравшихъ весьма видную роль въ системѣ древняго германскаго права и обозначаемыхъ терминами *Mord-* и *Wald-brand*. Эти двѣ формы преступнаго поджигательства, представлявшiя собою, по мѣткому замѣчанiю Вильда ⁴⁾), именно только двѣ формы, въ которыхъ поджогъ вообще являлся въ качествѣ тяжкаго преступленiя, а отнюдь не два особо выдѣленныхъ вида поджога, въ древне-германскомъ правѣ обсуждались далеко не одинаково. Между тѣмъ какъ *Mord-brand* причислялся къ „*unsthnbare Thaten*“ ⁵⁾), т. е. къ

¹⁾ Wilda, *ibid.*, стр. 926, 927, 934.

²⁾ См. Wilda, *ibid.*, стр. 927, 942.

³⁾ Wilda, *ibid.*, стр. 927, 928.

⁴⁾ Wilda, *ibid.*, стр. 943.

⁵⁾ Такъ, напр., въ законахъ Канута (*Cnut's Gesetze*) II, cap. 64,

такимъ дѣянiямъ, которыя влекли за собою полное лишенiе мира—„Friedlosigkeit“¹⁾, и во всякомъ случаѣ не могли быть оплачены пеней помимо воли потерпѣвшаго; Waldbrand, наоборотъ, первоначально, надо думать,

---

объясняется, что «Hausbruch und Brand und offener Diebstahl, und offener Mord und Verrath gegen den Herrn ist nach weltlichem Gesetz u n a b b ü s s b a r». Ср. leges Henrici Primi Cap. 12, § 1. (Shmid, ibid., стр. 305, 444).

¹⁾ Наказанiе лишенiемъ мира играло выдающуюся роль въ древнѣйшемъ уголовномъ правѣ германскихъ народовъ, являясь неизбѣжнымъ послѣдствiемъ всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ правонарушенiй. Сущность его заключалась въ томъ, что совершившiй извѣстное преступленiе и eo ipso лишившiйся мира терялъ всѣ свои права (гражд. смерть) и свое имущество, въ силу конфискацiи этого послѣдняго, и рассматривался какъ непрiятель, котораго всякiй могъ убить при встрѣчѣ вполне безнаказанно.

Съ теченiемъ времени, однако, примѣненiе такого способа наказанiя потерпѣло существенное ограниченiе въ двоякомъ направленiи: во 1-хъ, въ томъ, что наказанiе это стало являться послѣдствiемъ меньшаго круга преступныхъ дѣянiй, именно, тяжкихъ только (causae majores), и во 2-хъ, что оно могло послѣдовать только по опредѣленiю суда, при чемъ потерпѣвшему предоставлялось право вмѣсто объявленiя преступника лишеннымъ мира взять съ него денежное вознагражденiе. Этимъ открытъ былъ доступъ системѣ композицiй, которая въ историческую эпоху германской жизни является преобладающею, хотя и здѣсь (въ отдѣльныхъ правахъ) наиболѣе тяжкiя дѣянiя — и между прочимъ Mordbrand — все еще не могли быть оплачиваемы пеней помимо воли потерпѣвшаго, который всегда могъ отказаться отъ предлагаемаго вознагражденiя и просить судъ о лишенiи преступника мира. Наконецъ, и это послѣднее правомочiе лицъ, являвшихся истцами на судѣ, было отнято у нихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и самый институтъ «Friedlosigkeit» постепенно утратилъ свое первоначальное значенiе, окончательно уступивъ мѣсто системѣ денежныхъ пеней и начавшей—съ усиленiемъ общественной власти—возникать системѣ личныхъ наказанiй. См. Wilda, ibid., стр. 224—313.

былъ совѣтъ не наказуемъ, а въ послѣдствіи влекъ за собою только обязанность возмѣстить ущербъ и уплатить уголовную пеню.

Что касается въ отдѣльности каждой изъ этихъ двухъ формъ зажигательства, то подъ *Mordbrand* въ древнегерманскомъ правѣ понимался поджогъ, учиняемый тайно, въ ночное время ¹⁾ и сопровождаемый опасностію для человѣческой жизни,—въ силу чего объектами его могли быть только обитаемыя строенія или вообще строенія, служившія часто мѣстопробываніемъ человѣку. Обыкновенной формулой источниковъ для обозначенія этой фор-

---

¹⁾ *Lex Salica*, Tit. XVIII, § 1. «Si quis casam quamlibet intus hominibus dormientibus incenderit, ei cujus casa fuit MMD denariis qui faciunt solidos LXII culpabilis judicetur, exsc. cap. et delat. (Laspeyres, *ibid.*, стр. 51). *Lex Thuringorum*, 48: «Qui domum alterius noctu incenderit damnum triplo sarciat et in fredo solidos 60; aut, si negat, cum undecim juret, aut campo decernat» (Pertz, «*Monumenta Germaniae Historica*», 1883 г., т. V, fasc. 1). *Lex Ribuaria*, т. XVII, 1. «Si quis hominem per noctem latenter incenderit, 600 solidos culpabilis judicetur, et insuper damno et dilatura restituat, aut si negaverit cum 72 jurit» (Pertz, *ibid.*, fascic. II). *Lex Bajuvariorum*, Tit. IX, c. 1. «Si quis super aliquem in nocte ignem imposuerit et incenderit liberi vel servi domum, in primis secundum qualitatem personae omnia aedificia componat atque restituat et quicquid ibi arserit, restituat quae unaquaeque suppellectilia; 2. Et quanti liberi nudi de ipso incendio evaserint, unumquemque cum sua hrewauunti componat; 3. De feminis vero dupliciter; 4. Et tunc domus culmen cum quadraginta solid. componat» (Canciani, *ibid.*, т. 2, стр. 377). *Lex Alamannorum*, Tit. LXXI. 1. «Si quis super aliquem focus in noctem miserit; ut domum ejus incendat, seu et salam suam, et inventus et probatus fuerit, omne quod ibidem arsit simile restituat, et super haec quadraginta solidos componat». (Canciani, *ibid.*, т. 2, стр. 341).

мы поджога служить выраженіе „поджечь домъ подъ головою“, т. е., его обитателя („*super aliquem ignem imponere*“) Причину особой квалификаціи, особаго выдѣленія *Mordbrand*'а и причисленія его къ виду тяжчайшихъ преступленій можно видѣть въ двухъ обстоятельствахъ: 1) въ томъ, что въ первичную эпоху правовой жизни германцевъ поджогъ вообще, а въ особенности тайный, ночной — считался средствомъ дѣянія постыднымъ, нечестнымъ, воровскимъ, и 2) въ томъ, что въ данномъ случаѣ этотъ поджогъ грозилъ обитателямъ поджигаемаго зданія смертію, и при томъ смертію, по воззрѣнію древнихъ германцевъ, постыдною.

Въ противоположность *Mordbrand*—тайному ночному поджогу—подъ *Waldbrand* разумѣлся поджогъ производимый днемъ, открыто, насильственно и при томъ изъ ненависти и вражды. Послѣднее, равно какъ и самый способъ произведенія этой формы поджога — явно, съ участіемъ свиты, даетъ право заключить, что въ первичную эпоху *Waldbrand* былъ ни чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ способовъ отмщенія и вообще веденія частной войны (*Fehde*). Въ историческую эпоху германской жизни *Waldbrand* является уже дѣяніемъ противозаконнымъ; но и здѣсь ояъ менѣе наказуемъ, чѣмъ *Mordbrand*. Наказуемость его въ первое время обуславливалась исключительно только постыдностію употребленія такого средства нападенія, какъ огонь, что видно изъ приводимаго Вильда постановленія датскаго закона, позволяющаго управомоченному на то судебнымъ приговоромъ разрушить домъ, заборъ и т. п. своего врага, но категорически запрещающаго ему употреблять въ качествѣ разрушающаго средства огонь, грозя въ противномъ случаѣ пенею, какъ и вообще за сожженіе чужой собственности ¹⁾). Слѣдуетъ

¹⁾ Wilda, *ibid.*, стр. 948, 949; *Ср. L. Saxonum*, 5, 38.

замѣтить, однако, что—не смотря на существованіе въ отдѣльныхъ памятникахъ подобныхъ ограничительныхъ опредѣленій, усвоенное древне-германскимъ правомъ отношеніе къ поджогу, какъ къ правомѣрному въ извѣстныхъ случаяхъ средству дѣянія, долго еще препятствовало правильной постановкѣ вопроса объ этомъ преступленіи и что такая постановка стала возможною только въ послѣдствіи, когда, съ постепеннымъ устраненіемъ и исчезновеніемъ изъ сознанія народа права частной войны (Fehderecht), Waldbrand переходитъ мало по малу въ разрядъ тяжело наказуемыхъ дѣяній ¹⁾.

Остается прибавить еще, что какъ та, такъ и другая форма поджога, т. е., какъ Mord- такъ и Wald-brand, предполагали необходимо умышленность ихъ совершенія, при чемъ, однако, при Mordbrand отнюдь не являлось необходимымъ условіемъ то обстоятельство, чтобы умыселъ былъ направленъ именно на лишеніе жизни обитателей поджигаемаго зданія.

Со времени принятія германцами христіанства, къ вышеизложеннымъ формамъ поджога присоединился также и еще одинъ видъ его, квалифицированный въ силу особыхъ качествъ объекта. Это—поджогъ церкви и даже просто принадлежавшаго ей имущества, облагаемый въ древнѣйшихъ источникахъ высшею денежною пенею,—

«Qui domum alterius vel noctu vel interdiu suo tantum consilio volens incenderit, capite puniatur» (Pertz, *ibid.*, fasc. 1). Этимъ узаконеніемъ Карла V. впервые запрещено было Саксамъ поджигать дома лицъ лишенныхъ мира безъ особаго постановленія на роднаго собранія.

¹⁾ Schütze, «Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1874 г.», 508 стр. См. также Schaper'a, «Brandstiftung»; въ Handbuch des deutschen Rechts von Holtendorff, стр. 873.

а тамъ, гдѣ уже начинала практиковаться система личныхъ наказаній—смертною казнію ¹⁾).

Кромѣ поджога умышленнаго древне-германское право знало также и поджогъ неосторожный, который влекъ за собою иногда только обязанность возмѣстить ущербъ, иногда-же и извѣстное уголовное наказаніе; но случай и неосторожность въ эту эпоху вообще говоря еще не различаются ²⁾), равно какъ и всегда проводится опредѣленное различіе между *dolus* и *culpa* ³⁾). Наконецъ, что ка-

---

¹⁾ Такъ, *Lex Saliica*, Tit LVIII, § 1, опредѣляетъ: «*Si quis ecclesiam sanctificatam, vel ubi reliquiae sanctorum reconditae sunt, incenderit... VIII M. denariis qui faciunt solidos CC culpabilis iudicetur excepto capitale et delatura. (Laspeyres, ibid., стр. 153). Capitula de partibus Saxoniae* (3)—«*Si qui ecclesiam per violentiam intraverit, et in ea per vim vel furtu aliquid abstulerit, vel ipsam ecclesiam igne cremaverit, morte moriatur* (Pertz, ib., fasc. 1). Нужно думать, впрочемъ, что и въ до христіанскую эпоху преступленія, имѣвшія объектомъ языческіе храмы, были квалифицированы въ ряду другихъ; такъ что, слѣдовательно, къ христіанскимъ церковнымъ имуществамъ были только примѣнены положенія, уже раньше выработанныя. На это указываетъ и содержащееся въ *Capit de part. Saxon.* повелѣніе: «*ut ecclesiae, quae modo construuntur in Saxonia, et Deo sacrae sunt, non minorem habeant honorem sed majorem et exelentiorum, quam vana habuisent idolorum*».

²⁾ Такъ, напр., въ *L. Saxonum* узаконяется: «*Si arbor ab alio praecisa, a s u quemlibet oppreserit, componatur mulcta, pleno weregildo, a quo arbor praecisa est*» (54). (Pertz, ibid f. I). У нѣкоторыхъ народовъ, впрочемъ, проводится уже различіе между *culpa* и *casus* и устанавливается безнаказанность послѣдняго. См. Wilda ibid. 578—597.

³⁾ Wilda ibid. стр. 951, 587, 926, 928, и особ. 547, 548, гдѣ выясняется, что различіе по послѣдствіямъ между неосторожностію и умысломъ сводилось къ освобожденію виновнаго въ первомъ случаѣ отъ обязанности уплачивать пеню за нарушеніе мира (*Friedensgeld*), что не имѣло мѣста, когда преступное дѣяніе совершалось умышенно.

сается различныхъ моментовъ осуществленія во внѣ преступной воли и ихъ наказуемости, — то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить, довольно рѣзко проглядывающее въ германскихъ *Volksrechte*, выдѣленіе изъ сферы совершенія покушенія ¹⁾, хотя такое выдѣленіе и самая наказуемость покушенія имѣли мѣсто далеко не всегда, а только въ исключительныхъ случаяхъ ²⁾.

Обращаясь къ послѣдующей эпохѣ германской жизни, мы находимъ, что законодательство среднихъ вѣковъ мало подвинулось впередъ на пути болѣе точнаго опредѣленія существа поджога, объектовъ его, и степеней и качествъ воли преступника при осуществленіи дѣянія. Измѣнилась, главнымъ образомъ, только система наказаній, — такъ что композиціи, уже вытѣснившія въ историческую эпоху древнюю систему отмщенія и связанный съ нею институтъ *Friedlosigkeit*, въ свою очередь мало по малу смѣнились наказаніями, поражавшими жизнь, тѣло, честь и т. п.

Если въ эпоху, слѣдовавшую за переселеніемъ народовъ, законы Вестготовъ и Саксовъ и карали преступленіе поджога отнятіемъ жизни, то во 1-хъ, это являлось въ то время слишкомъ незамѣтнымъ исключеніемъ, — а во 2-хъ, — что касается по крайней мѣрѣ *Leges Wisigothorum*, — то назначаемая ими на этотъ случай казнь чрезъ сожженіе, въ связи съ ихъ дѣленіемъ поджога на поджогъ въ городѣ и внѣ его, — просто объясняется заимствованіемъ изъ римскаго права ³⁾. На-

¹⁾ См. Wilda, *ibid.*, стр. 598—608.

²⁾ Geib, «*Lehrbuch des deutschen Staafrchts*», 1862 г., т. 2, стр. 292.

³⁾ См. Wilda, *ibid.* стр. 109 и сл. и 945. Также Geib, *ibid.*, V. I, § 33.

противъ того, начиная съ 10 вѣка, т. е., со времени паденія народныхъ правъ—*Volksrechte*, личныя (въ противоположность имущественнымъ) наказанія постепенно завоевываютъ себѣ главное мѣсто въ системѣ уголовного права,—хотя, впрочемъ, господствовавшій повсемѣстно въ средніе вѣка произволь, путаница отношеній и слабость государственной власти долго еще удерживаютъ остатки древней эпохи—месть, превратившуюся въ кулачное право, и денежные пени ¹⁾. Окончательный перевѣсъ система личныхъ наказаній получаетъ только въ концѣ разсматриваемаго періода. Къ этому времени, именно, территориальная власть—законодательница уголовныхъ статутовъ отдѣльныхъ городовъ и территорій (*Stadt-und Landrechte*), по мѣрѣ усвоенія внесеннаго церковію взгляда на всякое преступленіе, какъ на дѣяніе грѣховное, и по мѣрѣ укрѣпленія въ сознаніи этой власти идеи общественнаго характера уголовного права,—перестаетъ уже видѣть въ преступленіи частное дѣло потерпѣвшаго, наносящее вредъ ему только одному, и взявши на себя миссію уголовной юсти-

¹⁾ Слѣдствіемъ такого порядка вещей явилось то, что *Waldbrand* все еще продолжаетъ стоять на степени полудозволенной, полузапрещенной мѣры частной войны, тогда какъ *Mordbrand* причисляется къ разряду тягчайшихъ преступленій и облагается обыкновенно смертною казнью. Такъ, напр., *Leges Obstabomicae* опредѣляютъ, что «*Incendiarii nocturni* (т. е. *Mordbrenner*) *concrementur, diurni* (т. е. *Waldbrenner*) *vero damnum incendii taxatione praemissa in septuplum recompensent et in poena viginti marcarum iudicibus maneat obligati*» (Canciani, *ibid.*, т. III, стр. 10, прим. 7) Cp. *Henke*, *Grundrisz einer Geschichte des deutsch. peinlich. Rechts*, 1809 г., т. I, стр. 262—269. *Gautier*, «*Étude sur l. cr. d'incendi*», стр. 143. *Geib*, *ibid.* § 37. *Geib* утверждаетъ даже (§ 40), что и смертная казнь и пр. наказанія были только пустыми угрозами, рѣдко на практикѣ приводимыми въ исполненіе.

ці, совершенно устранила систему композицій. Отсюда появляется смертная казнь въ многочисленныхъ ея видахъ и всевозможныя уродующія и болящія наказанія.

При общемъ, установившемся въ средніе вѣка, дѣленіи преступленій на 1) *Ungericht* (тяжкія преступленія) и 2) *Frevel* (болѣ легкія преступленія)—поджогъ, на ряду съ убійствомъ, грабежомъ и изнасилованіемъ, всегда причислялся къ первой категоріи, а внутри ея—къ тяжчайшимъ видамъ дѣяній—*causae majores seu sanguinis*, въ отличіе отъ болѣ легкихъ—*causae leviores*¹⁾. Сущность этого раздѣленія выражалась въ томъ, что правонарушенія категоріи „*Frevel*“ влекли за собой по общему правилу только денежный штрафъ,— между тѣмъ какъ „*Ungericht*“—наказаніе *an Leib und Leben*; при чемъ первый видъ его, т. е., *causae sanguinis - an Hals und Hand*, а второй—*causae leviores—an Haut und Haar*²⁾.

¹⁾ Необходимо имѣть въ виду, что умолчаніе относительно такого дѣленія нѣкоторыхъ источниковъ средневѣковаго права не нарушаетъ справедливости общаго правила. Умолчаніе это вполне удовлетворительно объясняется характеромъ самихъ источниковъ, которые, какъ сборники права обычнаго, часто имѣли въ виду дать только самыя общія указанія лицамъ примѣнявшимъ ихъ и опредѣлить въ основныхъ чертахъ сферу юрисдикціи того или другаго судьи или суда. Съ другой стороны, у отдѣльныхъ народовъ процессу постепеннаго перехода поджога въ разрядъ тяжчайшихъ преступленій долго препятствовало, какъ мы имѣли случай замѣтить выше, существованіе такъ называемаго права частной войны, съ точки зрѣнія котораго поджогъ въ извѣстныхъ случаяхъ признавался дѣяніемъ ненаказуемымъ и даже вполне правомѣрнымъ. См. *Osenbrüggen*, *Die Brandst etc.*, стр. 1 и 3. Его-же, *Das Alamanische Strafrecht*, стр. 42 и 354.

²⁾ См. *Mittelmayer*, «*Das Deutsche Strafverfahren*», 1845 г.; т. I, стр. 15—17. *Temme*, «*Lehrbuch des preussischen Straf-*

Наиболѣе употребительными способами наказанія за поджогъ являлись двѣ формы смертной казни: а) чрезъ сожженіе и в) чрезъ колесованіе,—соединяемая часто съ конфискаціей извѣстной части имущества преступника въ пользу территоріальной власти, помимо выдѣленія извѣстной-же, опредѣлявшейся размѣромъ причиненнаго дѣяніемъ ущерба или просто предписаніемъ закона, доли этого имущества въ пользу потерпѣвшаго. Однако эти двѣ формы смертной казни примѣнялись не при всякомъ поджогѣ, а только при квалифицированномъ—*Mordbrand*, имѣвшемъ часто въ средніе вѣка значеніе поджога ради обѣщаннаго вознагражденія, ради убійства, грабежа или воровства ¹⁾; простой

rechts», 1876 г.; стр. 36. *W ä s c h t e r*, «*Deutsches Strafrecht*», 1881 г.; стр. 42. И въ этомъ случаѣ источники не всегда точно обозначаютъ мѣру и даже характеръ наказанія. Въ то время, напр., какъ въ капитуляріяхъ Карла V. о наказуемости поджога говорится просто только—«*si aliquis malitiae studio incendium miserit, de hoc crimine convictus, poenis gravissimis jubetur interfici*» (*Cap. Car. Mag. l. f. c. 264*)—изъ практики того времени мы узнаемъ, что оно уступало въ зависимости отъ общепасности поджога и его объектовъ. Такъ, поджогъ домовъ и строеній расположенныхъ въ городѣ, а также поджогъ церквей—наказывался сожженіемъ; поджогъ домовъ и фермъ внѣ города—менѣе жестокою смертною казнію или вѣчнымъ изгнаніемъ (*bannissement perpétuel*); поджогъ жатвъ и виноградниковъ—изгнаніемъ и взысканіемъ убытка; наконецъ, поджогъ лѣсовъ (*bois*) и рощъ (*forêts*) на основ. арт. 32, тит. 27 ордонанса 1669 г.—возмѣщеніемъ ущерба и тѣлеснымъ наказаніемъ. См. *F. Hélie* «*Théorie du code Penal. Paris, 1863 г. v. 6, стр. 63, 64.*

¹⁾ Понятіе «*Mordbrand*» является крайне неустойчивымъ во все продолженіе исторіи германскаго уголовного права; имъ обозначается: то поджогъ *тайный, ночной*, то поджогъ, производимый ради обѣщаннаго вознагражденія, ради убійства, грабежа и воровства, то, наконецъ, всякій вообще *квалифицированный* видъ поджога.—

же поджогъ (Brand) влекъ за собой болѣе мягкую форму смертной казни—чрезъ отсѣченіе головы. Таковую градацію устанавливаютъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе извѣстные средневѣковые сборники права, хотя

Osenbrüggen въ своемъ, цитированномъ уже мною, сочиненіи, «Die Brandsiftung. etc.», посвящаетъ цѣлыхъ 15 страницъ «Historische Einleitung» указаніямъ на это разнообразіе въ пониманіи Mordbrand'a. Добросовѣстно, шагъ за шагомъ цитируетъ онъ источники, пускается даже въ подробное объясненіе понятія убійства—Mord (стр. 6—12), для того, повидимому, чтобы сказать, что существенный, филологическій признакъ его — тайность могъ быть также и признакомъ Mordbrand'a; но въ концѣ концовъ не приходитъ ни къ какому выводу и заявляетъ только, что «Dem Aufgeführten gemäss ist von denjenigen Erklärern der richtige Weg eingeschlagen, welche den Begriff nicht zu scharf begrenzen zu dürfen glaubten, sondern Mordbrand als qualificirte Brandstiftung überhaupt auf fassten (стр. 14) и что—«sehr richtig ist es, dass die neueren Strafgesetzbücher die Ausdrücke Mordbrand und Mordbrenner gemieden haben» (стр. 15).—Едвали, однако, можно согласиться съ такимъ отношеніемъ къ дѣлу: оно по меньшей мѣрѣ не научно, да кромѣ того и ошибочно. Въ исторіи важно знать не то, «was richtig ist und was—unrichtig», а то, *почему* возникло такое или иное понятіе или явленіе и *чѣмъ* объяснить ту или другую его фізіономію,—въ отношеніи-же исторіи «Mordbrand» эти вопросы разрѣшаются совершенно опредѣленно.

Въ древнѣйшую эпоху, при господствѣ частной мести, названіемъ «Mordbrenner» обозначали преступника—поджигателя въ собственномъ смыслѣ, въ отличіе отъ честнаго, открытаго мстителя—Waldbrenner'a. Позднѣе, когда обычай частной мести былъ запрещаемъ или вышелъ изъ употребленія, и тотъ и другой являются оба преступниками—поджигателями и подлежатъ наказанію—иногда равному, чаще-же неравному, въ силу, надо полагать, сознанія большей общепонятности тайнаго, ночнаго (Mordbrand) поджога, какъ для собственности, такъ и для жизни людей,—а также и въ силу невымершихъ еще

въ другихъ источникахъ этого періода встрѣчаются постановленія, назначающія сожженіе и за простой поджогъ, что, впрочемъ, вполне естественно, если принять во вниманіе господствовавшій въ средніе вѣка повсюду партикуляризмъ и неустойчивость общихъ взглядовъ на преступленіе.

Такъ, знаменитые въ исторіи германскаго права, сборники законовъ 13 столѣтія, извѣстные подъ названіемъ

остатковъ прежде бывшихъ возрѣній. Но вотъ, постепенно жизнь выдвигаетъ новые виды поджога, новыя комбинаціи преступнаго дѣйствія и умысла: поджогъ ради общаго вознагражденія, поджогъ ради убійства, грабежа, кражи,—и древнія отживавшія формулы «Mord-и Waldbrand» снова получаютъ смыслъ и содержаніе; но смыслъ другой и содержаніе новое. Теперь даже нѣтъ термина «Waldbrand», поджогъ изъ мести—все тотъ-же поджогъ: мотивъ дѣянія не играетъ существенной роли,—и вотъ вмѣсто Waldbrand является уже просто «Brand», т. е., поджогъ не квалифицированный, простой (эпоха Зерцаль).

Германскіе криминалисты 17 и 18 вѣковъ съ своей обобщающей дѣятельностію дѣлаютъ послѣдній шагъ на этомъ пути: они придаютъ понятію Mordbrand значеніе всякаго вообще—безразлично—квалифицированного поджога,—тѣмъ болѣе, что этому отнюдь не препятствуетъ,—напротивъ, способствуетъ даже—тотъ законодательный памятникъ, около котораго сосредоточивались всѣ ихъ интересы, т. е., Каролина. Но такое положеніе вещей не могло долго удовлетворять чувству справедливости современнаго человѣка: жизнь и наука требовали не обобщенія и уравниенія, а именно разчлененія видовъ поджога и уступенія ихъ наказуемости согласно началамъ этой науки и этой справедливости.—Кодексы новаго времени вслушиваются въ требованія названныхъ факторовъ, и въ соответствіе имъ въ большинствѣ случаевъ совершенно отбрасываютъ отжившую и утратившую всякій смыслъ и опредѣленность формулу «Mordbrand», преслѣдуя въ своихъ постановленіяхъ о поджогѣ, насколько возможно, подробное развитіе и изложеніе относящагося сюда содержанія съ точки зрѣнія общихъ, выработанныхъ предшествующимъ опытомъ и изученіемъ, принциповъ.

Зерцаль-зерцало Саксонское (между 1224—1235 г.), Нѣмецкихъ людей (въ пол. 13 ст.) и Швабское (во 2-й пол. 13 ст.)—дѣлать поджогъ на два вида: 1) Mordbrand, облагаемый квалифицированную смертною казнію чрезъ колесованіе, и 2) простой Brand, влекущій за собой смертную-же казнь, но только простую—чрезъ отсѣченіе голови.

SACHSENSPIEGEL.

DEUTSHENSPIEGEL.

SCHWABENSPIEGEL.

Кн. 2 арт. 13; §§ 4 и 5.

арт. 110.

арт. 149, §§ 10 и 20.

Alle mordere und die den phlug berouben oder die ihre botschaft werben—die sal man alle radebrechen. Der den man sleht oder veht, oder roubet, oder bournet sonder Mordbrand... den sal man die houbete abslan.“

„Alle morder und die den phlug roubent oder mule oder chirchen und verräter und Mortprenner oder di ir potschaft zu ir fume werbent—die sal man alle ratprechen. Der ainen man sleht oder vahet oder rabubet oder prennet sunder mortprant... den sal man allen daz haupt abslahen“.

„Alle morder unde die den phluoc ¶ beroubent, oder mülen, oder kirchen oder kirchove ¶ beroubent, oder die verräter sint, oder mortprenner... die sol man alle ratbrechen... der einen man ze tode slehet oder in roubet oder in brennet... den soll man allen daz houbet abe slahen“.

Сходное съ вышеприведенными опредѣленіе находимъ и въ Ringauer Landrecht 14-го вѣка, ¹⁾ гдѣ, послѣ общаго замѣчанія (§ 12) относительно того, что Mordbrand влечетъ за собой наказаніе an Leib и конфискацію части имущества преступника, въ § 69-мъ узаконяется за простой поджогъ смертная казнь чрезъ отсѣченіе головы: „Morder, mordbrenner, Nothzuchtiger verlieren den leib; von ihren gute nimmt $\frac{1}{3}$ kläger, $\frac{1}{3}$ die gemeinde, und $\frac{1}{3}$ sein weib und kinder, so fern sie sich rades und thats entschlagen haben“ (§ 12).

¹⁾ См. G r i m m, «Weisthümer», т. I, стр. 532 и 542.

„Item es ist eyn lantrecht, weres, daz ein
 „mentsch dekeinen mort, brant, raup oder
 „noitzuge dede, vnd darvmb von dem gericht
 „mit recht oberwunnen wurde, deme sal man
 „daz hettpt abeslahen, unde sin licham setzen
 „off eyn rad mit zehen speichen ¹⁾, vnde man
 „sal des doden magen oder deme beschadige-
 „ten gelden den schaden von dem gude des
 „misdadigen, vnde sin ander gut ist virfallen
 „unserme herren“ (§ 69).

Между тѣмъ, „Bambergisches Stadtrecht“ ²⁾ уклоняет-
 ся отъ дѣленія принятаго въ Зерцалахъ, и уже назна-
 чаетъ смертную казнь чрезъ сожженіе за простой под-
 жогъ, ни слова не упоминая о Mordbrand'ѣ:

„Item auf einen brenner einen erloschen brant
 „vn den schullen die schopphen beschawen. vn
 „dar vmb sagen daz sie im einen brant auf
 „dem Rucke gesehen haben gebunten. Daz man
 „dem Clager billichen richte vnd vber den
 „schol man richten mit dem fuer“ (тит. XVI,
 „§ 144).

Послѣдній изъ приведенныхъ источниковъ знаетъ, кро-
 мѣ того, и поджогъ въ качествѣ средства совершенія
 другаго преступленія—убійства; при чемъ, однако, дѣя-
 ніе не квалифицируется въ силу этого, а разсматривает-
 ся, какъ и всякій вообще другой видъ тайнаго лишенія
 жизни—Mord:

¹⁾ Выставленіе трупа казненнаго на показъ на колесѣ, съ присо-
 единеніемъ даже письменнаго объявленія относительно его имени,
 вины и формы наказанія—было обычнымъ послѣдствіемъ смертной
 казни въ средніе вѣка.

²⁾ См. у Z o e p f l, «Das alte Romberger Recht, als Quelle der
 Carolina», 1839 г.

„...vnd wart im erteylt“, говоритъ Bamb. Str.,
 „ze richten als vmb einen mort zu in“ (§ 139).

Основная характерная черта разсматриваемой эпохи—
 постепенная замѣна системы композиціи наказаніями по-
 ражавшими жизнь, тѣло и т. п., особенно ярко отрази-
 лась въ постановленіяхъ относительно поджога, какъ
 средства истребленія и поврежденія чужой собственности,
 не выдѣляемаго изъ цѣлой группы другихъ. Въ 13-мъ
 столѣтіи въ этомъ отношеніи еще вполне господствуетъ
 система денежныхъ пеней, какъ показываютъ „Weisthü-
 mer Heimerichte zu Landau отъ 1295 г. ¹⁾):

„Wer ein wald anstösset zu brennen“, говорится
 здѣсь, „der gibt zwei pfund Speyerer pfening.
 „Wer uff den brand führe, ob er gebrand
 „würde, in dem jahr als dick er druff führe,
 „so gibt er fünff Schilling pfening ohne die
 „Schwein die mögen darauf gehen“.

Постановленія другаго памятника, „Sigolzheimer Ho-
 fesrecht ²⁾), хотя тоже за поврежденіе растущихъ и по-
 крытыхъ зеленою деревьевъ назначаютъ денежную пе-
 ню,—но уже присоединяютъ къ этому въ качествѣ суб-
 ститутивнаго штрафа наказаніе „an Leib“—отсѣченіе
 руки:

„Aber des forsters reht ist, swen er uf dem
 „walde vindet burnen kolen von grüneme stan-
 „deme holze, dem phendet er vor ein phunt. ist
 „das er der phennige nit mac han, so sol er
 „ime die hand uf dem stumpfe abeslahen“.

Наконецъ, одинъ изъ памятниковъ половины 14-го вѣ-

¹⁾ Grimm «Weisthümer»; т. I стр. 767, 768.

²⁾ Grimm «Deutsche Rechtsalterthümer». Göttingen, 1854 г.,
 стр. 518.

ка и затѣмъ памятники 15 и 16 вв. ни слова уже не упоминають о денежной пенѣ, а прямо назначаютъ въ данномъ случаѣ наказаніе an Leib, производившееся посредствомъ огня, часто съ предварительнымъ зашитіемъ виновнаго въ сырую коровью или бычачью шкуру.

Такъ, въ Alterhausler Weisthümer отъ 1354 года ¹⁾ мы находимъ слѣдующее постановленіе:

„Auch weist man, wer die mark freventlich
 „ansteckt und verbrennt, denselben soll man in
 „eine rauche kuch oder Ochsenhaut thun und
 „in drei schritt vor das feuer, da es am aller-
 „heftigsten brennet, legen, bis das feuer über
 „ihn brennet und das soll man zum zweiten und
 „drittenmal thun an dem ort, das es am hef-
 „tigsten brennet, und wenn dies geschehen und
 „bleibt lebendig oder nicht, so hat er gebüset“.

Нужно, однако, имѣть въ виду, что во всѣхъ почти вышеприведенныхъ источникахъ дѣло идетъ объ имуществѣ, принадлежащемъ цѣлой общинѣ—маркѣ и въ частности о лѣсныхъ пространствахъ ея; такъ что дѣлать изъ нихъ выводъ относительно одинаковой наказуемости поврежденія огнемъ другихъ объектовъ собственности было бы крайне опрометчиво. Скорѣе нужно предположить, что въ приведенныхъ случаяхъ преступнаго поврежденія чужаго имущества предлежатъ квалифицированные виды его, какъ преступленія, касавшагося интересовъ цѣлой общины и при томъ выполняемаго въ отношеніи одного изъ важнѣйшихъ объектовъ собственности этой общины—лѣса.

¹⁾ Grimm «Rechtsalterth. стр. 519.

2) Отъ Каролины до 19-го столѣтія.

Переходя къ разсмотрѣнію постановленій о поджогѣ уголовнаго кодекса 16-го вѣка—Каролины, я считаю необходимымъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о значеніи ея въ исторіи германскаго законодательства.

Со времени распадѣнія основанной Карломъ В. франкской монархіи, Германія, какъ извѣстно, въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ не имѣетъ у себя общихъ уголовныхъ законовъ. Каждая изъ отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ ея, территоріальныхъ единицъ живетъ своею особою жизнію,—такъ что только единство происхожденія, культуры и историческихъ судебъ германскаго народа сдерживаетъ еще въ извѣстныхъ границахъ все болѣе и болѣе развивающійся партикуляризмъ и обособленность. Съ 13-го и особенно 14 и 15 вѣковъ къ этимъ сдерживающимъ началамъ присоединяется еще и могучее объединяющее вліяніе того наслѣдства, которое германцы получили отъ Рима. Оно играетъ роль объединяющаго фактора въ мірѣ духовномъ, сосредоточивая около себя, какъ около центра, всѣ интересы и стремленія тогдашней науки и ея адептовъ; оно-же играетъ эту роль въ мірѣ политическомъ, выливаясь въ идею священной римской имперіи германскаго народа,—и наконецъ то-же римское наслѣдство воздѣйствуетъ и на всѣ остальные стороны и проявленія германской жизни, мало по малу проникая въ нее путемъ практики въ широкомъ смыслѣ слова и путемъ рецепціи права. Несомнѣнно, однако, что самое ничтожное, сравнительно, вліяніе римское право могло оказать и оказывало въ сферѣ права уголовнаго. Помимо собственной неразвитости его въ этомъ отношеніи и помимо тѣхъ препят-

ствій для вліянія, какія коренились въ особомъ характерѣ уголовного права, какъ права публичнаго—проведенію на практикѣ соответствующихъ идей и положеній римскаго права мѣшало также и отсутствіе въ Германіи общаго уголовного кодекса, необходимо вызывавшее и обусловливавшее примѣненіе права обычнаго. Поворотный пунктъ въ этомъ отношеніи и представляетъ изданіе, составленнаго извѣстнымъ Шварценбергомъ, уголовного кодекса, получившаго со времени Регенсбургскаго сейма 1532 года значеніе общаго для всей Германіи уголовного закона подъ именемъ „*Reinlichgerichtsordnung Keyser Karl's des Fünften*“ или просто Каролины. Проявлявшаяся во многихъ случаяхъ недостаточность ея постановленій оставляла широкое поле для толкованія, и этимъ-то какъ нельзя лучше и воспользовались представители науки и судебной власти для проведенія въ практику римско-правовыхъ опредѣленій и категорій.

Что касается содержанія Каролины по интересующему насъ предмету, то оно—точно также какъ и постановленія относительно этого современныхъ Каролинъ и стоявшихъ съ ней въ тѣсной связи кодексовъ—*Bambergische Halsgerichtsordnung'a (Mutter der Carolina)* и *Brandenburgische Halsgerichtsordnung'a (Schwester der Carolina)*—исчерпывается всего-на всего одной статьёй, отличающейся при томъ безусловной краткостью и суровостью опредѣленія.—Здѣсь совершенно опускается даже исконное нѣмецкое дѣленіе поджога на *Mord*-и *Waldbrand* и усвоенное Зерпалами дѣленіе на *Mordbrand* и *Brand*, а просто только говорится о злоумышленномъ поджогѣ вообще, безъ всякихъ дальнѣйшихъ опредѣленій видовъ или характера этой злоумышленности. Не много можно сказать также и о назначаемомъ за поджогъ наказаніи: оно не разнообразится, ни по формѣ, ни по средствамъ и

выражается короткой фразой— „смертная казнь чрезъ сожженіе“.

B a m b e r g i s c h e	P e i n l i c h e	G e r i c h t s	B r a n d e n b u r g i s c h e
H a l s g e r i c h t s o r d n u n g .	o r d n u n g	K a r l ' s V .	H a l s g e r i c h t s o r d n u n g .
Art. CL.	Art. CXXV.		Art. CL.
„Straff der Brenner“.	„Straf der Brenner“.		„Straff der Brenner“.
Item die bosshaftigen vberwunden Brenner sollen mit dem feuer vom leben tode gestrafft werden“.	„Item die bosshaftigen überwunden Brenner sollen mit dem feuer vom leben füm todt gericht werden“.		„Item die bosshaftigen vberwunden Brenner, sollen mit dem feür vom lefum tode gestrafft werden“.

Само собою разумѣется, что такое краткое опредѣленіе не могло долго удовлетворять ни разнообразію случаевъ дѣйствительной жизни, ни чувству справедливости тѣхъ, кому приходилось примѣнять его. Тѣмъ не менѣе однако, благодаря авторитету знаменитаго Карцова и еще болѣе общему духу времени—опредѣленіе арт. 125 Каролины вплоть до 18-го вѣка служило единственнымъ и буквально прилагаемымъ мѣриломъ для оцѣнки случаевъ преступленія поджога. По мнѣнію Карцова и цѣлаго ряда слѣдовавшихъ за нимъ комментаторовъ, Каролина отвергла римское дѣленіе поджога на *incendium intra oppidum* и *in villa commissum*, и не обращая вниманія на мѣсто дѣянія, величину вреда и состояніе лица—установила смертную казнь чрезъ сожженіе за всякій умышленный поджогъ, независимо отъ объектовъ его. Мало по малу однако въ практикѣ, подъ вліяніемъ отчасти теоріи, установилось обыкновеніе замѣнять казнь чрезъ сожженіе простой казнью чрезъ отсѣченіе головы въ тѣхъ случаяхъ, когда объектомъ поджога являлось какое нибудь необитаемое, изолированное и малоцѣнное строеніе. Со времени Теодориха, пользовавшагося авто-

ритетомъ—не меньшимъ, чѣмъ самъ Каршцовъ, писатели—криминалисты принимаютъ установленное въ саксонскомъ правѣ дѣленіе поджога на *Mordbrand* и *Brand*, какъ доктрину общаго права, и высказываютъ мнѣніе, что Каролина облагаетъ сожженіемъ и, слѣдовательно, имѣеть въ виду исключительно только *Mordbrand* въ смыслѣ поджога, учиняемаго по найму или ради убійства, грабежа или воровства. Практика 18-го столѣтія впервые начинаетъ слѣдовать этому воззрѣнію и такимъ образомъ смягчаетъ нѣсколько суровость опредѣленія Каролины, примѣняя во всѣхъ случаяхъ простаго поджога простую казнь чрезъ отсѣченіе головы—*Schwertstrafe*.— Въ 18-мъ же (въ концѣ) и въ 19-мъ ст., наконецъ, какъ въ доктринѣ, такъ и въ практикѣ, вполнѣ уже начинаютъ господствовать и примѣняться постановленія о поджогахъ римскаго права и возникаетъ воззрѣніе, по которому арт. 125 Каролины имѣеть въ виду лишь поджогъ учиненный въ городѣ и только этотъ видъ поджога облагаетъ казнью чрезъ сожженіе, заимствовавъ эту послѣднюю и самое опредѣленіе изъ римскаго права ¹⁾).

Такъ интерпретировала и восполняла римско-правовыми опредѣленіями кодексъ Карла V-го доктрина общаго права, пока на смѣну его не выступилъ также кодексъ общаго права—*Strafgesetzbuch für das deussche Reich* 1871 года.

Но на ряду съ Каролиной въ Германіи дѣйствовала и масса партикулярныхъ кодексовъ, изъ которыхъ раннѣйшіе въ своихъ постановленіяхъ слѣдуетъ почти буквально опредѣленіямъ Каролины,—позднѣйшіе-же—сообразно измѣнившимся общественнымъ взглядамъ и нравамъ, и

¹⁾ См. подробно объ этомъ у *Wächter'a* въ его *«Lehrbuch des Römisch-Teutschen Strafrechts»*, 1826 г., ч. II, стр. 365—392.

прогрессу уголовной науки—создаютъ новыя системы и болѣе подробныя и болѣе во многихъ случаяхъ человѣчныя. Причиною появленія этихъ партикулярныхъ законовъ, при наличности общаго кодекса—Каролины, въ первое время служила исключительно ея краткость, а въ послѣдующее—и ея несоотвѣтствіе современному общественному состоянію. Вотъ почему партикулярные законы 16 и 17 ст. всегда оставляли за Каролиной значеніе главнаго источника дѣйствующаго права, и своими опредѣленіями только пополняли ея пробѣлы,—между тѣмъ какъ партикулярные-же кодексы, начиная съ 18 в. стали создавать самостоятельныя и всеобъемлющія системы, тѣмъ самымъ совершенно устраняя въ соотвѣтствующихъ территорияхъ примѣненіе и дѣйствіе Каролины. Наболѣе извѣстными изъ такихъ партикулярныхъ кодексовъ въ 18 столѣтіи являются:

- 1) „Codex juris Bavarici Criminalis“ 1751 года,
- 2) „Constitutio Criminalis Theresiana“ 1768 года,
- 3) „Allgemeine Gesetz über Verbrechen und „Strafen“ 1787 года
- и 4) „Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten“ 1794 года.

Прослѣдить опредѣленія ихъ относительно поджога весьма важно въ интересахъ раскрытія тѣхъ общихъ началъ, которымъ слѣдовала и тѣхъ ступеней какія проходила законодательная власть и дѣятельность 18 вѣка при нормированіи разсматриваемаго нами преступленія.

1) Codex juris Bavarici Criminalis 1751 г. носитъ еще на себѣ явные слѣды вліянія Каролины, арт. 125 которой всецѣло почти лежитъ въ основѣ его постановленій о поджогѣ; однако онъ не ограничивается этимъ только, а идетъ и нѣсколько далѣе. Такъ, въ свое опредѣленіе умышленнаго поджога онъ вводитъ весьма важ

ный—въ Каролинѣ не упоминаемый—признакъ „опасности“ дѣянiя, и на столько имѣеть его въ виду, что не требуетъ даже для понятiя совершенiя возникновенiя пожара (Brand), а наказываетъ виновнаго уже за простое подложенiе огня (Feueranlegung), какъ за совершенное преступленiе—„seines höchst gefährlicher Unternehmung halber“. Затѣмъ, кромѣ умышленнаго поджога онъ нормируетъ также и поджогъ неосторожный и кромѣ того говоритъ о влiянiи на наказуемость степени причиненнаго дѣянiемъ вреда и дѣятельнаго раскаянiя преступника. Опасный и умышленный поджогъ своей или чужой собственности, независимо отъ ея назначенiя и положенiя—по постановленiю Cod. juris Bavar. Crim. влечетъ за собой наказанiе огнемъ, а при наличности чрезвычайнаго (übergrosser), громаднаго вреда—смертную казнь чрезъ сожженiе. При отсутствiи всякаго вреда квалифицированная смертная казнь замѣняется простою казнью чрезъ отсѣченiе головы,—а при наличности дѣятельнаго раскаянiя переходитъ въ еще болѣе смягченное наказанiе, мѣра и качество котораго зависятъ отъ усмотрѣнiя суда (poena arbitraria), точно также какъ и при поджогѣ неосторожномъ.

„Gefährliche und fürsetzliche Feueranlegung“, говоритъ C. j. Bav. въ гл. 8, § 8, подъ титуломъ „Straff der gefährlichen Brennern“— „an Häusern, Gebäuden, Waldungen Feld-früchten, Holzhaufen, und Anderen fremden oder eigenen Sachen, sowohl in—als ausserhalb der Städten, Märkten, Dörffern, wird mit dem Feuer und bei erfolgender übergrossen Schaden, mit lebendiger Verbrennung gestraft. Im Fall aber von dem angelegten Feuer kein Brand,

„oder wenigst kein Schaden daraus erfolget; so
 „soll der Thäter gleichwohl seines höchst—ge-
 „fährlicher Unternehmungs halber, mit dem
 „Schwert von dem Leben zum Tode hingerich-
 „tet werden; es seue dann, da er selbst aus
 „Reu die Brunst in Zeiter wiedernm abgewen-
 „det, und allen Schaden dadurch verhütet hat,
 „welchen Falls nur poena arbitraria Platz greifft.
 „Desgleichen soll man die verwahrlose Bruns-
 „ten, welche sich nicht aus bösen Fürsatz, son-
 „dern nur aus Verschulden zutragen, mit arbit-
 „rarischen Straff belegen“.

Постановленіе это настолько ясно само по себѣ, что не нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ, за исключеніемъ однако первой его половины. Въ ней, очевидно, проводится различіе между наказуемостію опаснаго и умышеннаго поджога, сопровождаемаго чрезвычайнымъ вредомъ (*übergrosser Schade*), при чемъ въ первомъ случаѣ дѣяніе облагается казнью „mit dem Feuer“, а во второмъ „mit lebendiger Verbrennung“. Что такое „lebendige Verbrennung“ — понятно безъ объясненій, но что такое „Feuerstrafe“ и какое количественное и качественное различіе между нимъ и lebendige Verbrennung — это вопросы, на которые *Codex juris Bavarici* отвѣчаетъ молчаніемъ, между тѣмъ какъ его объясненіе въ данномъ случаѣ было бы весьма цѣнно, какъ для опредѣленія самаго характера кодекса, такъ и для уясненія тѣхъ подраздѣленій, какія онъ устанавливаетъ въ отношеніи преступленія поджога. Не смотря, однако, на такое молчаніе, мнѣ кажется, что характеръ наказанія „mit dem Feuer“ станетъ понятнымъ, если обратиться къ постановленіямъ на этотъ счетъ средневѣковыхъ ис-

точниковъ уголовного права. Изъ нихъ мы узнаемъ, что кромѣ вышеизложенной казни огнемъ съ зашитіемъ въ сырую бычачью шкуру, это наказаніе состояло или въ томъ, что преступнику жгли ноги, пока у него не отпадали подошвы ихъ, или въ томъ, что его связаннаго по рукамъ и по ногамъ троекратно бросали въ разведенный съ этою цѣлью костеръ, при чемъ, разумѣется, каждый разъ онъ могъ выдти оттуда только тогда, когда у него перегорали веревки.

Такъ, въ статутѣ города Lorch'a ¹⁾ мы читаемъ слѣдующее:

„Wär es auch, das man einen eschenbrenner
 „oder einen, der den Wald brennte, begriffe, den
 „sall man nehmen, und sall in eine wanne bin-
 „den, und sall in setzen gen einem fure, do sal-
 „len ein fuder holz ahn sin, und soll in setzen
 „neun Schuhe von dem Feuer barfuss, und sall
 „in lassen sitzen, bisz ihme die sohlèn von den
 „füszen fallen“.

Въ постановленіяхъ Merkergeding'a der Seulberger und Erlenbacher mark ²⁾ (отъ 1484 г.)—слѣдующее:

„... ob der walt von iemants frevelich anges-
 „toiszen wurde, dem sall man hende und fuesze
 „binden und zu drihen malen inne das groste
 „und dickst fuer werfen; kompt er den darusz,
 „so ist der frevel gebuszt“ (§ 12).

Но очевидно, что считать казнь „mit dem Feuer“ С. j. Бав. тождественною съ наказаніемъ описываемымъ въ ста-

¹⁾ См. Grimm, «Weisthümer», гл. 4, стр. 466.

²⁾ См. Grimm, «Weisthümer», т. 5, стр. 320.

тутъ города Lorch'a—нельзя, потому что это послѣднее наказаніе, не смотря на его жестокость, принадлежитъ лишь къ разряду наказаній болящихъ и въ крайнемъ случаѣ уродующихъ только,—между тѣмъ какъ Cod. juris Bavarici даже и за поджогъ, не сопровождавшійся пожаромъ или причиненіемъ вреда, назначаетъ смертную казнь чрезъ отсѣченіе головы, считая ее во всякомъ случаѣ мягче казни „mit dem Feuer“. Остается, слѣдов., казнь посредствомъ огня съ зашитіемъ въ сырую бычачью кожу, или казнь назначаемая въ постановленіяхъ Merkergeding'a Зейльбергской и Эрленбахской марки. Предположивъ, что казнь „mit dem Feuer“ С. j. Bavarici вполне аналогична съ ними—слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что по характеру своему она въ сущности ничѣмъ не отличалась отъ „lebendige Verbrennung“, хотя и оставяла лицамъ, подвергавшимся этому наказанію, нѣкоторые—мало впрочемъ вѣроятные—шансы сохранить свою жизнь; на что указываютъ и выраженія „bleibt lebendig oder nicht“ или „kommt er darusz, so is der frevel gebuszt“, для современнаго человѣка звучащія, однако, нѣкоторой ироніей.

2) Constitutio Criminalis Theresiana 1768 года отличается, сравнительно съ Codex juris Bavarici Criminalis, большей полнотою своихъ постановленій о поджогѣ. Однако, преимущества ея въ этомъ случаѣ и исчерпываются только количественнымъ различіемъ: качественно она стоитъ не выше перваго, и даже, какъ кажется, представляетъ копію съ него съ немногими лишь добавленіями. Какъ и Codex juris Bavarici, Терезіана ставитъ въ число опредѣляющихъ признаковъ поджога моментъ опасности, но подобно ему она не проводитъ, на основаніи этого, различія между поджогомъ въ городѣ и внѣ его, а напротивъ, прямо оговаривается, что ни характеръ и

положеніе объекта, ни время, мотивъ и даже цѣль дѣянія—не имѣютъ въ общемъ никакого рѣшающаго значенія.

„Unter den Mordbrennern, und Feueranlegern“ — говорится въ § 1-мъ, арт. 99 Терезіаны, „wer den all jene verstanden, welche heimlich, oder „öffentlich an Häusern, Gebäuden, Waldungen, „Feldfrüchten, Futterregen, Holzhauffen, und „anderen fremden, oder eigenen Gut sowohl in— „als ausser den Städten, Märckten und Dörffern „gefährlich, und fürsetzlicher Weise (es sey sodann aus fremder Bestellung, und Anstiftung, „oder aus eigener Bewegung, aus Hasz, Zorn, „Neid, Feindschaft, aus Begierd während Brunst „zu stehlen, aus frevelmuth, oder was immer „einer böser Absicht) Feuer anlegen“.

Сравнивая это опредѣленіе поджога Терезіаны съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ цитированнаго выше § 8, гл. 8, C. juris Bavarici, не трудно подмѣтить между ними буквальное почти сходство, за исключеніемъ приведеннаго въ Терезіанѣ въ скобкахъ примѣрнаго исчисленія мотивовъ и цѣли дѣянія, и прибавленія въ началѣ параграфа слова „Mordbrennern“, чего нѣтъ—какъ мы видѣли—въ текстѣ § 8 Cod. juris Bavarici. Однако этимъ послѣднимъ прибавленіемъ Терезіана въ сущности не вноситъ въ свои постановленія о поджогѣ ничего новаго,—такъ какъ ни здѣсь, ни въ послѣдующихъ параграфахъ не даются прямыхъ указаній на то, что слѣдуетъ понимать подъ Mordbrenner въ отличіе отъ простаго Feueranleger.—Такимъ образомъ, Терезіана знаетъ, собственно говоря, только одинъ видъ поджога—Feueranlegung, т. е., опасное и умышенное подожженіе своего или чужаго

имущества вообще, независимо отъ его положенія и качества. Такое преступное подожженіе на основаніи § 5 влечетъ за собой, какъ для главныхъ виновниковъ, такъ и для пособниковъ смертную казнь чрезъ сожженіе, при чемъ безразличнымъ является—прекратился ли пожаръ самъ собою, или благодаря усиліямъ постороннихъ лицъ, и возмѣщенъ-ли уже или еще не возмѣщенъ виновнымъ происшедшій отъ пожара убытокъ.

§ 5,... „solle ein solcher bosshafter Brenner „nebst seinen Gehülfen ohne Rucksicht: ob der „zubereitete Brand von ungefähr, oder durch „fremde Rettung behindert worden,—auch ohne „Rucksicht auf die anbietende Schadensersatzung mit dem Feuer vom Leben zum Tod „hingerichtet werden“.

Вслѣдъ за этимъ общимъ опредѣленіемъ наказуемости умышленнаго поджога Терезіана излагаетъ въ §§ 6 и 7 отягчающія и смягчающія вину обстоятельства, усиливая въ первомъ случаѣ казнь чрезъ сожженіе предварительнымъ вырываніемъ кусковъ изъ тѣла обвиненнаго посредствомъ накаленныхъ щипцовъ, и колесованіемъ членовъ его,—и назначая во второмъ—смягченную форму смертной казни—чрезъ отсѣченіе головы и сожженіе трупа, или даже болѣе мягкое болящее наказаніе или денежный штрафъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла.

Какъ отягчающія вину обстоятельства § 6-й приводитъ слѣдующія:

а) многократное (öftere) учиненіе умышленнаго поджога,
в) учиненіе его въ многочисленныхъ мѣстахъ по порученію непріятели—и—

с) учиненіе поджога въ городѣ, на рынкахъ и въ другихъ мѣстахъ, если при этомъ огонь оказался гибель-

нымъ не только для строеній, но и для здоровья и жизни многихъ людей.

..... „welcherley Land-und Mordbrenner, заканчиваетъ свое постановленіе Терезіана, mit glühenden Zangen gezwieket, ihre Glieder mit dem Rad zerstoßen, und sodann lebendig, in das Feuer geworffen werden sollen“ (§ 6).

Изъ заключительныхъ словъ этого параграфа — „welcherley Land-und Mordbrenner — и изъ сопоставленія ихъ съ только что приведенными отягчающими вину обстоятельствами, можно сдѣлать тотъ — ничего не объясняющій впрочемъ — выводъ, что подъ Mordbrand Терезіана разумѣть поджогъ, сопровождавшійся причиненіемъ вреда здоровью, или гибелью людей, — такъ какъ, очевидно, поджогъ по порученію непріятели долженъ быть отнесенъ къ тому, что въ Терезіанѣ обозначается терминомъ „Landbrand“.

Къ уменьшающимъ вину обстоятельствамъ относятся:

- а) доказанное преступникомъ отсутствіе съ его стороны особой злоумышленности,
- в) малолѣтство преступника — и —
- с) дѣятельное раскаяніе, проявившееся тотчасъ послѣ подложенія огня и выразившееся въ прекращеніи его и, такимъ образомъ, въ устраненіи дальнѣйшаго вреда дѣянія.

..... „in welchen Fallen, говоритъ Терезіана, „ein solcher Brenner anfangs mit dem Schwert gerichtet, und sodann dessen Körper durch das Feuer verzert, oder aber nach Gestalt der Sachen, besonders in dritten Fall ausserordentlich gestrafet werden solle“.

Затѣмъ, какъ особенно смягчающее вину обстоятельство Терезіана приводитъ также неумышленность совершенія дѣянія, т. е. подожженіе неосторожное, и совершеніе его въ состояніи опьяненія безъ всякаго предумышленія. Мѣра наказанія въ данномъ случаѣ представляется судейскому усмотрѣнію,—которому, однако, положенъ предѣлъ въ запрещеніи примѣнять здѣсь какую бы то ни было форму смертной казни и въ указаніи, какъ на ординарную форму взысканія, на денежныя пени, замѣняемая при несостоятельности виновнаго Leibesstrafe, т. е. соответствующимъ винѣ тѣлеснымъ наказаніемъ ¹⁾).

3) Allgemeines Gesetz über Verbrechen und Strafen Joseph des Zweiten 1787 г. былъ изданъ въ эпоху господства въ европейскомъ обществѣ идей французскихъ и итальянскихъ философовъ—криминалистовъ предреволюціоннаго времени, и представлялъ до нѣкоторой степени попытку ихъ примѣненія. Такъ, извѣстно, напр., что въ кодексѣ Іосифа II-го смертная казнь была совершенно исключена изъ лѣстницы наказаній и оставлена только для дѣлъ подлежащихъ суду военному (Standrecht) и при томъ единственно только въ формѣ повѣшенія

---

¹⁾ Sind noch leidentlicher, und keines wegs zum tod, sondern nur willkürlich zu bestrafen diejenige, so nicht aus bösen Fürsatz, sondern allein aus einer, doch strafmässigen Verwahrlosung, oder Trunkenheit eine Brunst verursachen» (и. 4, § 7).—Diese und dergleichen mögen nach vernünftiger Ermessung des verursachten Schadens, der verübten Unvorsichtigkeit, und aller dabey vorgeloffener Umständen etwann zu einer Geldstrafe, und Abtragung des Schadens angehalten, und wenn sie den Schaden zu ersetzen nicht vermögen, nach Mass ihres Verschuldens mit einer ermessenen Leibsstraffe belegt, allenfalls der Standgerichts verwiesen, oder sonst, wie Recht ist, abgestraften werden».

(Strang) ¹⁾. Само собою разумѣется, что въ силу этого и въ отношеніи наказуемости преступленія поджога Allg. Gesetz представляетъ рѣзкій контрастъ со всѣми бывшими до него, современными ему, и даже впоследствии изданными кодексами Австріи и другихъ государствъ. О преступленіи поджога въ немъ говорится въ 6-й главѣ, въ отдѣлѣ объ уголовныхъ (Kriminalverbrechen въ отличіе отъ politische Verbrechen) преступленіяхъ противъ имущества и правъ гражданъ (von Kriminalverbrechen, welche auf Vermögen und Rechte Beziehung haben), причѣмъ внутри этого отдѣла оно помѣщается послѣ преступленій обмана (Trug) и воровства (Diebstahl) между грабежомъ (Raub) и преступленіемъ двойнаго брака (zweifache Ehe).

Изъ опредѣленія поджога, даваемого въ § 170-мъ, выясняется, что Allg. Gesetz Isseph'a II понимаетъ подъ нимъ умышленное и злонамѣренное подложеніе огня (Brandlegung) подъ всякаго—безразлично—рода чужое имущество; такъ что для понятія оконченнаго преступленія отнюдь не требуется, чтобы подложенный огонь произвелъ какое либо дѣйствіе на объектъ поджога, т. е., чтобы этому объекту было причинено болѣе или менѣе существенное поврежденіе ²⁾. Отсутствие вреда является

¹⁾ Allg. Gesetz, § 20.

²⁾ Очевидно, что въ данномъ случаѣ Allg. Gesetz Ioseph'a II чрезмѣрно расширяетъ сферу совершенія преступленія поджога, включая сюда и всѣ тѣ моменты осуществленія во внѣ преступной воли, которые относятся къ области покушенія въ широкомъ смыслѣ слова. Такое расширение, однако, не составляетъ особенности только даннаго случая: оно составляетъ особенность всѣхъ вообще постановленій разсматриваемаго кодекса, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ опредѣленіе § 9. «Obschon der Gedanke, говорится здѣсь, und ein inneres böses Vorhaben allein noch kein Kriminalverbrechen sind;

только смягчающимъ вину обстоятельствомъ и понижаетъ на одну степень продолжительность ординарнаго наказанія за простой умышленный поджогъ — тюремнаго заключенія 2-го вида (*hartes Gefängniss*) въ соединеніи съ публичными работами, первая степень продолжительности котораго измѣряется срокомъ 12—15 лѣтъ, а вторая—8—12 лѣтъ (§ 170 и первая половина § 171). То же тюремное заключеніе служитъ мѣрой наказанія и при квалифицированныхъ видахъ поджога, при чемъ опять таки измѣняется не качество его, а только лишь его продолжительность. Самая квалифікація, подобно тому какъ это было въ Терезіанѣ, не имѣетъ въ основѣ своей ясно выраженныхъ общихъ началъ и отличается казуистичностью.

Квалифицированные случаи поджога по *Allg. Gesetz Joseph'a II-го*—слѣдующіе:

а) Когда происшедшій отъ подложенія огня пожаръ причинилъ смерть многимъ людямъ;

в) когда онъ причинилъ значительный вредъ и повлекъ за собою обѣдненіе многихъ лицъ;

с) когда онъ совершенъ во второй разъ—или—

д) когда другое какое либо обстоятельство обнаружало наличность у преступника особой злостности.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ виновные подлежатъ тюремному заключенію 2-го вида (*hartes Gefängniss*) на срокъ

---

so ist doch zum Verbrechen auch nicht nötig, dass die Übelthat wirklich ausgeführt werde. Schon der Versuch der Übelthat ist ein Kriminalverbrechen, sobald der Bösgesinnte, zur wirklichen Ausübung derselben sich angeschicket, und sein Vorhaben durch äusserliche Kennzeichen, und eine Handlung offenbaret hat, die That aber in der Folge nur aus Unvermogen, aus dazwischen tretenden fremden Hindernisse, oder aus Zufall nicht vollbracht worden ist.

отъ 30—100 лѣтъ съ присоединеніемъ публичныхъ работъ и другихъ (въ зависимости отъ обстоятельствъ дѣла) отягчающихъ тюремное заключеніе добавочныхъ штрафовъ (§ 172).

Напротивъ того, тюремное заключеніе 2-го вида понижается по продолжительности на одну степень (вмѣсто заключенія отъ 30—100 лѣтъ, —заключеніе отъ 15—30 лѣтъ) —

когда поджогъ сдѣланъ:

а) въ ночное время;

в) въ мѣстахъ (Örtern) уединенныхъ и мало посѣщаемыхъ.

когда подожжены:

с) лагерь, d) магазины, е) лѣса, f) дровяные склады (Holzstätten), g) амбары (Scheuern), h) плоды на полѣ, i) мѣста, служащія для храненія пороха или другихъ горючихъ матеріаловъ — или—к) когда пожаръ произведенъ при такихъ обстоятельствахъ, что грозилъ очевидно опасностію жизни людей, хотя бы кончился и безъ такихъ послѣдствій (2-я половина § 171).

Въ заключеніе изложенія постановленій о поджогѣ Allg. Gesetz Ioseph'a II-го слѣдуетъ отмѣтить ту еще особенность его, что онъ ни слова не упоминаетъ о поджогѣ неосторожномъ. Причина этого, однако, заключается отнюдь не въ недосмотрѣ законодателя, а въ томъ, что онъ причисляетъ всѣ вообще неосторожныя дѣянія къ области полицейскихъ правонарушеній, и потому вполне естественно не считаетъ нужнымъ излагать ихъ въ отдѣлѣ объ уголовныхъ преступленіяхъ ¹⁾.

¹⁾ «Wer ohne bösen Vorsatz», говоритъ § 4 общей части кодекса, «eine Uebeltat begeht, obgleich von seiner Seite eine Schuld vorhanden, ist kein Kriminalverbrecher. Noch minder kann eine

4) Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten 1794 года въ своихъ постановленіяхъ о поджогѣ подводить, такъ сказать, итоги всей предшествовавшей ему законодательной, а отчасти и научной, дѣятельности германскаго міра въ этомъ направленіи. Начало опасности поджога для человѣческой жизни — эта основная идея чисто германскаго законодательства, и начало опасности его для собственности — основная идея законодательства римскаго, которую такъ усердно старались привить въ Германіи ея ученые — криминалисты — находятъ въ Allg. Landrecht полное свое признаніе и примѣненіе. Ими обусловливается, какъ положеніе поджога въ системѣ кодекса — отнесеніе его въ особый отдѣлъ общественныхъ преступленій (Beschädigung mit gemeiner Gefahr), такъ и самый характеръ всѣхъ приводимыхъ здѣсь по поводу его опредѣленій. Не вдаваясь въ подробное изложеніе этихъ опредѣленій, совершенно излишнее въ виду ясности ихъ, я ограничусь только схематическимъ указаніемъ тѣхъ основныхъ категорій, какія приняты здѣсь при нормированіи поджога.

Прежде всего, что касается усвоеннаго въ Allg. Landrecht дѣленія поджога на виды, то онъ различаетъ, во первыхъ, въ зависимости отъ свойствъ объектовъ дѣянія: а) поджогъ обитаемыхъ строеній и в) поджогъ строеній необитаемыхъ и всякихъ другихъ предметовъ собственности, и затѣмъ, во вторыхъ, въ зависимости отъ качествъ воли преступника при осуществленіи имъ своего дѣянія: а) поджогъ умышленный и в) неосторожный.

А) Умышленный поджогъ строеній обитаемыхъ распадается въ свою очередь на 1) простой, облагаемый заклю-

---

That als ein Kriminalverbrechen angesehen werden, wo das Uebel aus blossem Zufalle erfolgt ist. »

ченіємъ въ цухтгаузъ или крѣпость (Festungsstrafe) на время отъ 6—10 лѣтъ, и 2) квалифицированный, мѣра наказанія за который опредѣляется каждый разъ характеромъ квалифицирующихъ обстоятельствъ.

Основаніемъ квалификаціи является:

- а) опасность дѣянія для лицъ и собственности;
- в) наличность у поджигателя особыхъ — въ законѣ указываемыхъ—цѣлей;
- с) время совершенія дѣянія;
- д) причиненіе смерти кому либо или опаснаго вреда здоровью—и—
- е) размѣръ нанесеннаго дѣяніемъ матеріальнаго ущерба.

Поджоги, соединенный съ опасностію для жизни людей и для собственности (именно, для обитаемыхъ зданій и кораблей) влечетъ за собой по общему правилу смертную казнь (§ 1511) —

а) *черезъ сожженіе,*

1) если такой поджогъ учиненъ въ то время, когда обитатели дома имѣютъ обыкновеніе спать, и когда онъ причинилъ смерть или увѣче (опасное поврежденіе здоровья) имъ или даже кому-либо другому (§ 1514).

2) если поджогъ учиненъ съ цѣлію произвести убійство, грабежъ или другое, облагаемое смертною казнью, преступленіе (§ 1512) ¹⁾;

б) *черезъ сожженіе предшествующее пыткой—*

когда поджогъ, означенный подъ № 2 буквы а—причинилъ кому либо смерть (§ 1513);

в) *черезъ отсѣченіе головы—*

---

¹⁾ Allg. Landrecht присвоиваетъ поджигателямъ этого вида названіе «Mordbrenner», но очевидно, что этотъ терминъ не имѣетъ въ данномъ случаѣ точнаго юридическаго значенія, а обозначаетъ вообще тяжкій видъ квалификаціи.

если поджогъ причинилъ кому либо смерть или опасный вредъ здоровью, но произведенъ днемъ и безъ наличности обозначенныхъ подъ № 2 буквы *a* цѣлей (§ 1516);

г) чрезъ отсѣченіе головы и сожженіе трупа—

если поджогъ произведенъ ночью, при чемъ однако все послѣдствіе его состояло въ причиненіи ущерба въ 500 или больше талеровъ (§ 1515).

Поджогъ сопровождаемый опасностію для лицъ и собственности облагается—

а) заключеніемъ въ цухтгаузъ или крѣпость на время отъ 10—15-ти лѣтъ,

если онъ учиненъ ночью, но не сопровождался при этомъ причиненіемъ значительнаго ущерба (т. е. 500 тал.). (§ 1518).

в) заключенію въ цухтгаузъ или крѣпость пожизненному,

если поджогъ учиненъ днемъ, но причинилъ при этомъ ущербъ въ 500 или болѣе талеровъ (1517).

В) Умышленный поджогъ необитаемыхъ строеній и другихъ объектовъ собственности облагается заключеніемъ въ цухтгаузъ или крѣпость на время отъ 3—6 лѣтъ (§ 1522); но *поджогъ лѣса*, вѣроятно въ виду важности объекта, влечетъ за собою заключеніе на время отъ 6—10 лѣтъ, а при громадности причиненнаго вреда—пожизненное заключеніе (§ 1521).

При повтореніи преступленія, когда еще однако преступникъ не отбывалъ наказанія за первое, — назначаемое въ законѣ временное заключеніе въ цухтгаузъ или крѣпость превращается въ пожизненное (1523); пожизненное отягощается экзекуціей розгами (1524); смертная казнь обостряется. При рецидивѣ, т. е., когда уже преступникъ отбылъ наказаніе за первое преступленіе, ординарнымъ наказаніемъ является казнь чрезъ отсѣченіе

головы (§ 1527), если положенное въ законѣ за второй случай—мягче; если-же оно само состоитъ въ смертной казни, то эта послѣдняя примѣняется въ болѣе тяжкой формѣ (§ 1528).

Покушеніе на поджогъ влечетъ за собой многолѣтнее заключеніе въ крѣпости (§ 1529), понижаемое при дѣятельномъ раскаяніи до тюремнаго заключенія на время отъ 6 мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ (§1531), а въ остальныхъ случаяхъ въ зависимости отъ степени причиненаго дѣятельностію преступника вреда (§§ 1530, 1532, 1533).

Угрозы поджогомъ влекутъ за собою заключеніе въ цухтгаузъ на время отъ 6 мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ,—а въ случаѣ, если при посредствѣ такихъ угрозъ вымогались деньги—на время отъ 3—6 лѣтъ, или заключеніе въ крѣпости отъ 10 лѣтънаго до пожизненнаго—когда вымогательство распространялось на жителей цѣлой мѣстности (§§ 1535, 1536, 1537).

Что касается, наконецъ, поджога неосторожнаго, то онъ облагается легкимъ, сравнительно, наказаніемъ,—заключеніемъ въ тюрьмѣ или рабочемъ домѣ на время отъ 6 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ или же денежнымъ штрафомъ отъ 50 до 100 талеровъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ дѣла и личности виновнаго.

Такова исторія поджога по германскому праву. Начальнымъ зерномъ, изъ котораго возникли здѣсь всѣ постановленія о поджогѣ является — какъ мы видѣли—понятіе *Mordbrand*'а. Это понятіе съ первыхъ же поръ своего возникновенія воплощаетъ въ себѣ идею поджога тайнаго, ночнаго и при томъ такого, который началъ „*super aliquem ignem imponere*“, „*latenter hominem incendere*“, т. е., оно воплощаетъ въ себѣ идею

поджога опаснаго для человѣческой жизни или здоровья. Послѣдующая исторія названнаго преступленія показываетъ только, какъ вложенная въ Mordbrand идея перестаетъ служить отличительнымъ, характернымъ признакомъ его лишь одного и становится, напротивъ, мало по малу основной мыслью всѣхъ вообще постановленій о поджогахъ германскаго законодательства. Здѣсь историческая роль „Mordbrand“ кончается.—Превратившись еще ранѣе въ поджогъ ради обѣщаннаго вознагражденія, ради убійства, грабежа или воровства, онъ становится наконецъ, подъ вліяніемъ обобщающей мысли изслѣдователей, простымъ, неопредѣленнымъ терминомъ для обозначенія всякаго вообще рода квалифицированнаго поджога.

Такимъ образомъ, если римское законодательство о поджогахъ замѣчательно тѣмъ, что выдвинуло въ своихъ постановленіяхъ начало опасности этого дѣянія для собственности,—исторія законодательства германскаго интересна въ томъ отношеніи, что представляетъ намъ картину постепеннаго выдѣленія другаго, не менѣе важнаго, момента, именно, *начала опасности поджога для человѣческой жизни и здоровья.*

III.

Историческій очеркъ преступленія поджога по русскому праву.

Отъ Русской Правды до Уложения 1649 г.

Древнее русское право крайне бѣдно постановленіями относительно преступленія поджога, такъ что на основаніи ихъ нѣтъ часто никакой возможности сдѣлать сколько нибудь полный историческій очеркъ даннаго преступленія въ ту или другую эпоху и вывести твердыя заключенія о характерѣ его, видахъ и положеніи въ системѣ.

Русская Правда посвящаетъ поджогу, какъ самостоятельному преступленію, одну только статью, которая гласитъ слѣдующее:

„Аще кто зажъжетъ гоумно, то на потокъ и на грабежь домъ его прежде пагоубу расплативши а въ процѣ князю поточити; такоже еже кто дворъ зажъжетъ“ (Сп. Карамз. ст. 97) ¹⁾.

---

¹⁾ Не смотря на краткость этого опредѣленія съ современной точки зрѣнія, мнѣ кажется, что для древняго времени оно имѣло значеніе правила исчерпывающаго, т. е., обнимало собою всѣ, возможные въ эпоху Правды, случаи поджога, какъ самостоятельнаго прес-

Потокъ и разграбленіе ¹⁾—наказаніе, носящее въ значительной степени характеръ публичный свидѣтельству-еть о важномъ значеніи поджога въ системѣ Русской правды — законодательствѣ композиціи; а если принять во вниманіе, что въ цѣлой системѣ подобнымъ наказаніемъ облагаются, кромѣ поджога, еще только два преступленія—убійство въ разбоѣ (ст. 5 Карамз. сп.) и коневая татьба (ст. 31 Карамз. сп.), то заключенія изслѣдователей ²⁾, объясняющихъ качество и такую строгость воз-

тупленія. Причины его краткости заключаются отнюдь не въ случайности самыхъ постановленій Правды, какъ сборника частныхъ случаевъ: онѣ лежатъ въ особыхъ условіяхъ первичной жизни русскаго народа. Постановленія Русской Правды возникли въ такую эпоху, когда городская жизнь на Руси была еще въ самомъ зачаточномъ состояніи, когда города имѣли по преимуществу значеніе укрѣпленій и когда нормальнымъ образомъ жизни большинства населенія являлась жизнь сельскохозяйственная, земледѣльская. Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго въ томъ, что Русская Правда, имѣя въ виду въ приведенномъ постановленіи о поджогѣ главнымъ образомъ поземельную общину, упоминаетъ въ качествѣ объектовъ поджога только о гумнѣ и о дворѣ, т. е., о строеніяхъ, которыми въ большинствѣ случаевъ и въ настоящее время ограничивается тѣсный кругъ сооруженій нашего земледѣльца—крестьянина.

¹⁾ Подъ потокомъ и разграбленіемъ слѣдуетъ понимать изгнаніе изъ области и конфискацію имущества. См. *А. Поповъ*, «Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву», стр. 65 и слѣд.. *Вл. Будановъ*, «Христоматія по исторіи русскаго права». Кіевъ, 1876 г., вып. 1, стр. 37; Ср. *Эверсъ*, «Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи». С.-Петербур., 1835 г., стр. 373; *Рейузъ*, «Опытъ исторіи російскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ». Москва, 1836 г., стр. 118.

²⁾ См. *Бодановскій*, «Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра В». Москва, 1857 г., стр. 55, 117; *Чебышевъ-Дмитріевъ*, «О преступномъ дѣйствіи по русскому допетровскому праву». Казань, 1862 г. стр. 31—33; *W. Sokols-*

мездія признаніемъ со стороны древняго законодателя общепасности поджога могутъ представиться на первый взглядъ въ высшей степени вѣроятными. Заключенія эти, однако, страдаютъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что кромѣ такой вѣроятности не знаютъ за собой никакихъ другихъ твердыхъ основаній, да едва-ли и могутъ быть обоснованы. Волѣе близкое ознакомленіе съ постановленіями Русской Правды относительно имущественныхъ преступленій, мнѣ кажется, скорѣе приводитъ къ той мысли, что названный памятникъ при квалификаціи поджога имѣетъ главнымъ образомъ въ виду—не общепасность дѣянія въ техническомъ смыслѣ слова, а особое хозяйственное значеніе, особую цѣнность объектовъ этого преступленія и проистекающее отсюда гибельное вліяніе его на благосостояніе каждаго члена общины въ отдѣльности, а чрезъ то и на благосостояніе самой общины, какъ цѣлаго. По крайней мѣрѣ по отношенію къ коневой татьбѣ и поджогу гумна справедливость этого положенія, на мой взглядъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она выясняется изъ слѣдующихъ соображеній. Для народа земледѣльческаго, къ акимъ былъ русскій народъ въ эпоху Правды, такіе предметы хозяйственнаго обихода, какъ гумно, конь, являются крайне необходимыми и незамѣнимыми. Гибель ихъ влечетъ за собою для члена земледѣльской общины потерю всего благосостоянія, полную нищету,—такъ какъ въ лицѣ ихъ гибнетъ основной капиталъ общинника и тѣмъ отнимается у него всякая возможность приложенія труда въ будущемъ, всякая надежда безъ сторонней помощи попра-

---

к у, «Beitrag zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen nach der
«Уложеніе царя Ал. Михайловича». Dorpat, 1868 г., стр. 21.

вить свое благосостояніе ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія представляется вполне понятнымъ, почему Русская Правда между прочимъ такъ жестоко караетъ за коневую татьбу и—что еще важнѣе для насъ—уравниваетъ по наказуемости это, необщепасное по существу, дѣяніе съ несомнѣнно общепаснымъ преступленіемъ поджога. Что тотъ же самый моментъ имѣлся въ виду и при обложеніи потокомъ и разграбленіемъ поджога гумна—для насъ станетъ очевиднымъ, если только мы примемъ во вниманіе положеніе названной хозяйственной постройки и ея назначеніе. Гумно, какъ извѣстно, играетъ въ земледѣльческомъ быту весьма важную роль: оно служитъ мѣстомъ обработки сельскохозяйственныхъ продуктовъ, а иногда и мѣстомъ храненія, какъ самихъ этихъ продуктовъ, такъ равно и орудій производства. Сообразно съ такимъ назначеніемъ оно сооружается обыкновенно тамъ, гдѣ добываются эти продукты, т. е., близъ пахатнаго поля и слѣдовательно, на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ другихъ хозяйственныхъ строеній, изолированно ²⁾ Само собою разумѣется, что вслѣдствіе этого ни

---

¹⁾ Даже и въ настоящее время идея о такой опасности настолько еще жива въ правосознаніи русскаго крестьянства, что—не смотря на запрещеніе закономъ самоуправства — подвигаетъ его часто на вѣсудебную жестокую расправу съ поджигателями и конокрадами.

²⁾ Заключение о подобномъ же положеніи гумна и въ эпоху Русской Правды основано во 1-хъ, на аналогіи съ современнымъ способомъ постройки гумень,—аналогіи, надо замѣтить, весьма правдоподобной въ виду общепризнаннаго факта замѣчательной консервативности нашего крестьянскаго быта и хозяйства, и во 2-хъ, на томъ еще соображеніи, что Русская Правда, отдѣльно упоминая въ ст. 97 о гумнѣ, тѣмъ самымъ ясно отличаетъ гумно, какъ строеніе изолированное, отъ совокупности всѣхъ остальныхъ хозяйственныхъ построекъ, находившихся въ тѣсной связи, какъ между собою, такъ

опасность поджога для лицъ, ни общеполасность его для собственности не могутъ имѣть значенія преимущественно опредѣляющихъ моментовъ при обложеніи наказаніемъ за поджогъ подобнаго сооружеиія. Такимъ опредѣляющимъ моментомъ въ данномъ случаѣ является и можетъ быть исключительно только особое хозяйственное назначеніе и проистекающая отсюда особая цѣнность постройки въ общежитіи.

Итакъ, въ эпоху Русской Правды поджогъ возводился на степень самостоятельнаго преступленія въ томъ случаѣ, когда учиненіе его влекло за собою невознаградиимый вредъ и опасность для благосостоянія, какъ отдѣльныхъ членовъ общины, такъ и для благосостоянія и существованія ея самой, какъ цѣлаго. Таковымъ по преимуществу является, какъ мы видѣли, поджогъ гумна—мѣста обработки и склада сельскохозяйственныхъ продуктовъ и храненія сельскохозяйственныхъ орудій. Что касается поджога двора, то можно думать, что помимо несомнѣннаго экономическаго значенія этого послѣдняго, здѣсь принималась во вниманіе также и опасность дѣянія для челоувѣческой жизни, такъ какъ названіемъ „дворъ“ въ Русской Правдѣ и обозначается такая именно совокупность хозяйственныхъ построекъ, центромъ которой является строеніе жилое. Впрочемъ, въ пользу этого соображенія нельзя привести изъ источниковъ, въ силу краткости ихъ, никакихъ положительныхъ доказательствъ. Не даетъ также Русская Правда никакихъ твердыхъ данныхъ для заключеній и относительно внутренней стороны преступленія. Тѣмъ не менѣе мы вполне основательно можемъ предполагать здѣсь въ качествѣ необходимаго

и съ жилымъ строеніемъ и обозначаемыхъ собирательнымъ названіемъ <дворъ>.

условія для примѣненія на практикѣ ст. 97 умышленность совершенія поджога, и въ виду убѣдительнаго изслѣдованія Вильда ¹⁾ относительно требованія противозаконности воли, какъ *conditio sine qua non* всякаго, хотя бы и примитивнаго, уголовного права, а также въ виду косвенныхъ указаній самой Правды, не можетъ согласиться съ противоположнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ Богдановскимъ относительно Ярославовой - Правды ²⁾. Нужно замѣтить, однако, что Русская Правда, какъ и германскія *Volksrechte*, различала только умысль, смѣшивая на другой сторонѣ случай съ неосторожностію, и что это положеніе, вѣрное въ отношеніи Русской Правды вообще,

¹⁾ Wilda, «Strafrecht der Germanen». Halle, 1842 г., стр. 146 и сл.

²⁾ *Богдановскій*, *ibid.*, стр. 116. «Русская Правда Ярослава», говоритъ здѣсь Богдановскій, «едвали имѣеть какое понятіе о различіи между дѣйствіями человѣка. Признавая еще почти вполнѣ право частной мести, она тѣмъ самымъ предоставляетъ самому обиженному взвѣшивать тяжесть нанесенной ему обиды и судить о характерѣ и свойствѣ дѣйствія своего противника; а первобытный грубы и неразвитой человѣкъ, дѣйствуя всегда подъ неодолимымъ вліяніемъ чувства страсти, не сдумѣеть, да и не захочетъ различать цѣлей и намѣреній, которыя руководили дѣйствіями другаго, причинившими ему вредъ или обиду—онъ стремится только отмстить, возвратить себѣ имущество или, оплативши обидчику тѣмъ же зломъ, возстановить свою утраченную честь. Для него все равно намѣрено, случайно, или по какой либо неосторожности причинить ему другой вредъ».

Помимо блестящей критики подобнаго взгляда въ вышеуказанномъ мѣстѣ сочиненія Вильда, сама Русская Правда приводитъ къ противоположнымъ заключеніямъ. Достаточно указать только на постановленіе ст. 80 Тр. сп. «А кто *накощами* (т. е. злонамѣренно, умышленно) коня порѣжетъ или скотину»... и на проводимое въ Правдѣ различіе между убійствомъ въ разбоѣ и въ свадѣ.

eo ipso должно быть признано вѣрнымъ и относительно разбираемаго нами постановленія ея о поджогѣ. Въ заключеніе изложенныхъ комментарій къ ст. 97 Русской Правды намъ остается прибавить еще, что, основываясь на буквальномъ смыслѣ слова „зажечь“, моментомъ совершенія дѣянія по ней слѣдуетъ считать моментъ вспышки пламени на поджигаемомъ объектѣ.

Кромѣ поджога, какъ самостоятельнаго преступленія, облагаемаго уголовнымъ наказаніемъ—потокомъ и разграбленіемъ всего имущества виновнаго, за вычетомъ извѣстной, опредѣляемой размѣрами ущерба, доли въ пользу потерпѣвшаго—Русская Правда знаетъ также и поджогъ, какъ средство причиненія вреда, не выдѣляемое изъ цѣлой серіи другихъ. Этого рода преступное поврежденіе чужой собственности предусматривается въ ст. 30-й Акад. списка Русской Правды и влечетъ за собой уплату 3-хъ гривенной продажи и 3-хъ гривеннаго вознагражденія въ пользу потерпѣвшаго ¹⁾.

Начиная съ 11-го вѣка, т. е., со времени написанія первой Русской Правды, и до конца 15-го вѣка въ исторіи русскаго уголовного законодательства существуетъ ничѣмъ не наполнимый пробѣлъ, — который по необходимости заставляетъ изслѣдователей — криминалистовъ или обходить эту эпоху молчаніемъ, или пускаться въ область болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній и догадокъ. Гораздо безопаснѣе, разумѣется, дѣлать первое, чѣмъ послѣднее, но я не могу удержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ такихъ вѣ-

¹⁾ Названная статья собственно ни слова не упоминаетъ о 3-хъ гривенномъ вознагражденіи; но такъ по аналогіи съ другими постановленіями Правды—толкуетъ ее Вл. Будаповъ въ своей Христоматіи по исторіи русскаго права. См. вып. 1-й, стр. 30.

роятныхъ предположеній, — тѣмъ болѣе что оно до извѣстной степени покоится на историческихъ фактахъ. Сущность этого предположенія состоитъ въ томъ, что русская государственная власть, начиная съ 13-го вѣка на ряду съ туземными источниками допускаетъ въ значительной степени практическое руководство постановленіями Византійскаго уголовного права.

Что Русская Правда — въ отношеніи покрайней мѣрѣ преступленія поджога — продолжала дѣйствовать до эпохи Судебниковъ, какъ это высказалъ еще Tobien въ своемъ *Sammlung der Quellen des Russischen Rechtes* (Dorpat, 1845 г. стр. V) — можно считать несомнѣннымъ уже по тому одному. что постановленія ея объ этомъ буквально почти переходятъ въ Псковскую Судную Грамоту, а затѣмъ въ Судебники ¹⁾. Съ упроченіемъ государственной власти одно только наказаніе Правды — потокъ и разграбленье замѣняется смертной казнью, а кромѣ этого эпоха Судебниковъ — этихъ сводныхъ и исправляющихъ а не создающихъ новое право памятниковъ — ничего не прибавляетъ новаго къ прежде бывшимъ опредѣленіямъ. Но несомнѣнно также и то, что начиная съ 13 вѣка древне русскій законодатель и судья могли имѣть предъ собой и пользоваться переведенными на русскій языкъ сборниками греко-римскаго права, входившими въ составъ, такъ называемыхъ, Кормчихъ книгъ. Это предположеніе становится въ высшей степени вѣроятнымъ, если принять во вниманіе выдающуюся роль древне-русскаго духовенства, его отношенія къ жизни и тѣ идеалы, которые оно старалось провести здѣсь — идеалы

¹⁾ На практическое значеніе Русской Правды за этотъ промежутокъ времени указываетъ также и большое количество списковъ ея, которые непрерывно почти идутъ отъ 11 и до 16 вѣка.

возросшіе на почвѣ греко-римской ¹⁾. Всего-же болѣе на это предположеніе наводитъ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, гдѣ постановленія греко-римскаго права фигурируютъ уже на равнѣ съ туземными источниками и даютъ содержаніе и авторитетъ весьма многимъ узаконеніямъ и въ особенности тѣмъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ преступленіе поджога.

Обращаясь къ постановленіямъ о поджогѣ законодательныхъ памятниковъ 15 и 16 столѣтія, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего, то обстоятельство, что они не отличаются, ни содержательностію, ни ясностію. Всѣ три памятника этого періода времени — Псковская Судная Грамота (1467 г.) и Судебники — Великокняжескій (1497 г.) и Царскій (1550 г.)—даютъ буквально почти сходное и при томъ единичное въ ряду другихъ постановленіе о поджогѣ, изъ котораго мы узнаемъ лишь о его наказуемости. Такъ, *Псковская Судная Грамота* опредѣляетъ:

„А кромскому татю и коневому, и перевѣтнику, и зажигальнику тѣмъ живота не дати“ (ст. 7).

Судебникъ Великокняжескій—:

„А государскому убойцѣ, и коромольнику, церковному татю и головному, и подымщику и зажигальнику вѣдомому лихому человѣку живота не дати казнити его смертною казнію.“ (ст. 9).

¹⁾ *Калачовъ*, «О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права». Москва, 1850 г. стр. 1, 3, 60 и сл.

Судебникъ Царскій —:

„А государьскому убойцѣ, и градскому славцу
 „и коромольнику и церковному татю, и голов-
 „ному татю, и подметчику и зажигальнику, вѣ-
 „домому лихому человекѣ живота не дати: каз-
 „нити его смертною казнію. А будетъ изъ тѣхъ,
 „которому лихому истецъ ино заплатити истцо-
 „во изъ его статка, а что ся его статка за
 „истцовымъ останеть и то отдати въ прогоны.
 „А не будетъ у котораго лихого столько стат-
 „ка, чѣмъ истцово заплатити, ино истцу его
 „въ гибели не выдати казнити его смертною
 „казнію“ (ст. 61).

Прежде всего, что касается буквального почти сходства постановлений о поджогѣ названныхъ трехъ источниковъ, то оно объясняется очень просто—последовательнымъ заимствованіемъ, при чемъ прототипомъ, разумѣется, какъ памятникъ болѣе ранній, служить въ данномъ случаѣ Псковская Судная Грамота.—Наказаніемъ за поджогъ, какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ Пск. Суд. Грамоты и Судебниковъ, является смертная казнь, замѣнившая собою потокъ и разграбленіе Русской Правды, которые походили больше на неупорядоченное средство общественной войны противъ преступника, и съ развитіемъ государственности неизбежно должны были уступить свое мѣсто этому болѣе правомѣрному и обдуманному способу реакціи. Однако, не смотря на разницу въ наказаніи, измѣненіе редакціи статей и позднѣйшія добавленія о государскомъ убойцѣ, кромскомъ татѣ и т. п.—можно съ вѣроятностію заключить, что въ основу этихъ постановленій легла между прочимъ 79 ст.

Русской Правды. На такую мысль невольно наводитъ одновременное и одинаковое нормированіе коневой татьбы, а также и добавочная часть 61 ст. Царскаго Судебника, соответствующая по своему содержанию выраженію Русской Правды „преже пагоубу росплативши, а въ процѣ князю поточити“.

Относительно положенія занимаемаго поджогомъ въ системѣ Псковской Судной Грамоты и Судебниковъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, если обратить вниманіе на уравненіе поджигателя въ приведенныхъ статьяхъ источниковъ съ „перевѣтникомъ“, „государскимъ убойцею“, „коромольникомъ“ и „градскимъ славцемъ“. Очевидно, поджогъ отнесенъ здѣсь къ разряду наитягчайшихъ преступленій что можно объяснять, какъ увеличеніемъ общеполитической опасности его, въ силу значительнаго развитія въ Московскій періодъ городской жизни, — такъ и тѣми соображеніями, какія приведены въ толкованіи соответствующей статьи Русской Правды. Тамъ-же приведенными соображеніями приходится ограничиться и по вопросу относительно признака принимаемаго Псковской Судной Грамотой и Судебниками за моментъ совершенія поджога и относительно умысленности, какъ необходимомъ условіи для выполненія по нимъ состава этого дѣянія.

2) Отъ Уложенія 1649 г. до Уложенія 1845 года.

Гораздо полнѣе, въ сравненіи съ предъидущими памятниками, нормируется преступленіе поджога въ законодательномъ памятникѣ половины 17-го столѣтія—въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 г.,—что объясняется, впрочемъ, дословнымъ почти заимствованіемъ всѣхъ относящихся сюда постановленій изъ Ви-

зантійскихъ источниковъ, помѣщаемыхъ обыкновенно въ нашихъ Кормчихъ.

Изъ постановленій этихъ видно, что поджогъ въ Уложеніи по объектамъ дѣлится на два главные вида: а) на поджогъ жилыхъ строеній и 2) поджогъ всякихъ другихъ объектовъ собственности. Умышленный поджогъ жилаго строенія, независимо отъ того—будетъ ли оно находиться въ городѣ или внѣ его, влечетъ за собою наказаніе тальона, т. е., смертную казнь чрезъ сожженіе.

„А будетъ кто нѣкія ради вражды, или разграбленія зажжетъ у кого дворъ, и послѣ того онъ будетъ изыманъ, и сыщется про него до прѣма, что пожаръ онъ учинилъ нарочнымъ дѣломъ: и такова зажигальщика казнити, сжечь“. (Улож. гл. X, т. 228) ¹⁾.

Приведенную статью нужно, какъ кажется, понимать и толковать въ томъ смыслѣ, что она обнимаетъ собою всякій вообще умышленный поджогъ жилаго строенія, слова-же „нѣкія ради вражды или разграбленія“ должны быть признаны просто описательнымъ обозначеніемъ умысла, на что между прочимъ указываетъ и болѣе широкое опредѣленіе послѣдней части узаконенія: „и сыщется про него до прѣма, что пожаръ онъ учинилъ *нарочнымъ дѣломъ*“.

¹⁾ Статья эта является буквальнымъ воспроизведеніемъ постановленія Кормчей, заимствованнаго въ свою очередь этой послѣдней чрезъ Прохиронъ изъ римскаго права. На додлинномъ списокѣ Уложения, хранящемся въ Оружейной Палатѣ, противъ 228 ст. находится ссылка на Градской законъ. См. Калачевъ, «О значенія Кормчей», стр. 111; W. Sokolsky, «Beitrag zur Lehre., стр. 25.

Такимъ образомъ тотъ или другой мотивъ при поджогахъ не играетъ по Уложенію никакой существенной роли.

Не то слѣдуетъ сказать относительно конечной цѣли дѣянія. Уложеніе знаетъ случай, гдѣ поджогъ квалифицируется въ силу наличности особой преступной цѣли — измѣны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременнаго зажженія не одного, а цѣлой совокупности жилыхъ строеній ¹⁾. Этотъ видъ поджога причисляется къ разряду государственныхъ преступленій и облагается сожженіемъ безъ всякаго милосердія“ и конфискаціей имущества въ пользу верховной власти — „на Государя“.

„А будетъ кто умышленіемъ и измѣною городъ
„зажжетъ или дворы, и въ то время или пос-
„лѣ того зажигальщикъ изыманъ будетъ а сы-
„щется про то его воровство допряма: и его
„самого сжечь безъ всякаго милосердія“ (Улож.
гл. II ст. 4) ²⁾.

„А помѣстья и вотчины и животы измѣнничья
„взяти на Государя“ (ibid. ст. 5).

---

¹⁾ Последнее вытекаетъ — вопреки W. Sokolsky (Beitrag. zur Lehre., стр. 24) — по моему мнѣнію, какъ изъ буквального смысла начальныхъ словъ, приводимой ниже ст. 4, гл. II Улож. — «А будетъ кто умышленіемъ и измѣною городъ зажжетъ или дворы»... такъ и изъ сопоставленія ихъ съ словами ст. 228, гл. X Улож. «зажжетъ дворъ».

²⁾ Также и противъ этой статьи на подлинномъ Уложеніи сдѣлана ссылка на Градской законъ, а Калачевъ полагаетъ, что въ основѣ ея лежало именно постановленіе 49 гл., зач. 16, ст. 29 Кормчей «иже нѣкія ради вражды и пр. См. Калачовъ, О значеніи Кормчей., стр. 109.

Какъ къ государственному преступленію, къ поджогу ст. 4-й примѣняется и положеніе о равной съ главнымъ виновникомъ наказуемости пособниковъ, укрывателей и недоносителей.

„А жена будетъ и дѣти такихъ измѣнниковъ
„про тое ихъ измѣну вѣдали: и ихъ по тому
„же казнити смертію“ (ibid. ст. 6).

Можно однако думать—хотя и нельзя положительно доказать этого—что подъ приведенное опредѣленіе ст. 4-й подходилъ не только поджогъ съ спеціальною цѣлью измѣны, т. е., съ цѣлію произведенія возстанія, облегченія непріятельскаго покоренія страны и т. п.,—но и вообще всякій умышленный поджогъ, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ пожаръ цѣлой совокупности строеній („городъ зажжетъ или дворы“). Къ этой мысли, по крайней мѣрѣ приводитъ выраженіе ст. 4-й „*умышленіемъ* и измѣною“, вмѣсто обычнаго—„измѣною“,—а равно и то обстоятельство, что въ системѣ нашего древняго права—какъ это мы имѣли случай видѣть при разсмотрѣніи Пск. Суд. Грамоты и Судебниковъ—поджогъ самъ по себѣ, даже и безъ наличности особой цѣли, ставился и карался на ряду съ государственными преступленіями. Наконецъ, и самое слово „измѣна“ могло въ данномъ случаѣ имѣть такое-же общее, бытовое значеніе, какъ и слово „воръ“. т. е. могло означать вообще нарушителя царскихъ указовъ и запрещеній. Что же касается постановленій ст. 5-й и 6-й II гл. Уложенія, то они отнюдь не противорѣчатъ такому заключенію, такъ какъ имѣютъ характеръ общихъ для всей этой главы опредѣленій и не относятся спеціально къ ст. 4-й. Они, слѣдовательно, могли и должны были приниматься въ раз-

счетъ лишь тогда, когда дѣло шло о поджогѣ измѣною, а не просто умышленіемъ только.

Кромѣ только что изложенныхъ видовъ умышеннаго сожженія жилыхъ строеній, Уложеніе знаетъ также и поджогъ таковыхъ неосторожный, влекушій за собой для виновнаго лишь гражданскую обязанность уплатить стоимость сожженнаго. Это именно въ томъ случаѣ, когда поджегшій домъ нанималъ его у другаго и включилъ въ договоръ найма специальное условіе о своей обязанности отвѣчать за неосторожное подожженіе.

„А будетъ кто у кого учнетъ стояти на дворѣ
 „изъ найму, а въ договорѣ у него будетъ, что
 „ему того двора не зажечи и отъ огня беречи,
 „а послѣ того тому двору учинится запаленіе
 „его небреженіемъ, и тотъ дворъ сгорить, и
 „на немъ за тотъ дворъ тому, у кого онъ тотъ
 „дворъ найметъ взяти цѣну чего тотъ дворъ
 „стоилъ“ (Улож. гл. X ст. 227) ¹⁾.

Изъ этой статьи однако, мнѣ кажется, отнюдь нельзя выводить того заключенія, что неосторожный поджогъ принимался только тогда, когда было на лицо особое обязательство относительно осторожности, какъ напр., контрактъ, и только въ этомъ случаѣ виновный обязанъ былъ возмѣстить ущербъ“ ²⁾. Нельзя выводить потому именно, что здѣсь имѣется въ виду особый случай: нанявшій домъ разсматривается, хотя временно только,

¹⁾ Постановленіе статьи заимствовано изъ Кормчей. См. Калачевъ, «О знач. Кормч.», стр. 111; W. Sokolsky, Beitrag zur Lehre., стр. 27.

²⁾ W. Sokolsky, Beitrag zur Lehre., стр. 26.

какъ бы хозяиномъ его, и безъ особаго договора не отвѣчаетъ за неосторожность въ силу того простаго обстоятельства, что за него всегда есть презумпція *diligentiae, quam in suis rebus*. Кроме того, то-же Уложеніе въ ст. 223-й приводитъ случай неосторожнаго поджога, который и безъ всякихъ предварительныхъ контрактовъ и соглашеній обязываетъ виновныхъ не только къ возмѣщенію ущерба, но и къ уплатѣ уголовной пени— „что Государь укажетъ“.

Уложеніе, такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ неосторожный поджогъ облагаетъ обязанностію возмѣщенія ущерба.

Справедливость такого положенія не менѣе ясно выступаетъ также и тамъ, гдѣ разбираемый нами источникъ рассматриваетъ посредственный поджогъ чужихъ домовъ въ силу поджога къмъ либо своего собственнаго.

„А будетъ у кого загорится домъ не нарочнымъ дѣломъ, и отъ того и иныхъ людей дворы погорять, и на томъ, чей дворъ напередъ загорится никому ничего не правити, потому, что дому его запаленіе учинилось не по его умышленію, (Улож. гл. X ст. 226).

Толкуя эту статью *a contrario*, слѣдуетъ придти къ двоякому заключенію: 1) что Уложеніи обязываетъ собственника къ гражданской отвѣтственности передъ потерпѣвшими, но лишь тогда только, когда онъ поджогъ свой домъ „нарочнымъ дѣломъ“, т. е. умышленно, и 2) что при такомъ умышленномъ подожженіи собственникомъ своего дома и происшедшемъ отъ того пожарѣ сосѣднихъ—оно (Уложеніе) принимаетъ стеченіе умысла и неосторожности и караетъ именно и только эту послѣд-

нюю. Какъ основаніе въ пользу такого (п. 2) пониманія опредѣленія 226 ст. можно привести то соображеніе, что умышленный поджогъ чужаго дома карается (по ст. 228) всегда смертною казнію чрезъ сожженіе, — между тѣмъ какъ выраженіе 226 ст. — „и на томъ чей дворъ напередъ загорится никому ничего не правити“, при толкованіи а *contrario* — прямо показываетъ, что противъ виновника пожара предоставляется только гражданскій искъ потерпѣвшимъ, и что, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ имѣется въ виду только поджогъ неосторожный, хотя и происшедшій въ силу умышленнаго заpalенія собственникомъ своего имущества.

Изъ этой-же 226 ст. — мы можемъ вывести и то заключеніе, что случайный поджогъ чужихъ домовъ по Уложенію не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій. Собственника, поджегшаго свой домъ по неосторожности, нельзя обвинять въ неосторожности и по отношенію къ сгорѣвшимъ отъ того домамъ сосѣдей, — ибо постороннимъ лицамъ отъ него можно требовать лишь той осмотрительности, какую каждый проявляетъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ — *diligentia, quam in suis rebus*. Разъ, значитъ, „заpalеніе“ учинилось не по умышленію собственника, происшедшій пожаръ сосѣднихъ домовъ вполне правильно, съ точки зрѣнія Уложенія, разсматривать — какъ оно и дѣлаетъ это въ данномъ случаѣ — въ качествѣ поджога случайнаго, не облагаемаго никакимъ взысканіемъ.

Что касается поджога 2-го вида, т. е., поджога не жилыхъ строеній, а всякихъ другихъ объектов собственности, то по Уложенію онъ относится къ области частно-правныхъ деликтовъ и, какъ всякое другое противозаконное поврежденіе чужой собственности, влечетъ за собой для виновнаго обязанность возмѣщенія ущерба.

Только одинъ случай этого вида—поджогъ лѣсовъ, вѣроятно въ силу важности самаго объекта поджога, трудности скорого прекращенія пожара и проистекающей отсюда общепасности его для собственности—влечеть за собою, кромѣ обязанности возмѣщенія ущерба, также и денежную пеню—„что Государь укажетъ“¹⁾).

„А будетъ кто *по недружбѣ* учнетъ въ чьемъ лѣсу на станѣхъ огонь класти, и отъ того въ томъ лѣсу учинится пожаръ, или въ чьемъ лѣсу пожаръ учинится отъ конскихъ и иныя животины отъ пастуховъ *небреженіемъ* и такимъ пожаромъ учинять поруху бортному деревью и пчеламъ, и звѣрь и птицы изъ того лѣсу тѣмъ пожаромъ отгонять, и въ томъ на нихъ будутъ челобитчики, и съ суда сыщется про то допряма, что такой пожаръ отъ кого учинится *нарошнымъ дѣломъ* или *пастуховымъ небреженіемъ*, и на тѣхъ людяхъ за такое пожарное разоренье взяти пеня, что Государь укажетъ, а истцу велети на нихъ доправить убытки по сыску. А будетъ отъ кого такое дѣло учинится *безъ хитрости* и на томъ пеня и истцова иску не имати“ (Улож. гл. X ст. 223).

Въ этой статьѣ, очевидно, дѣло идѣтъ о двухъ совершенно различныхъ видахъ поджога: 1) о поджогѣ

¹⁾ Основываясь на ст. 18, XXI гл. Уложения, гдѣ уравнивается по значенію своему поджогъ «двора» и хлѣба», а также на ст. 202 гл. X Улож.—можно думать, что поджогъ гумна или стоялъ на равнѣ съ поджогомъ жилыхъ строеній, что согласно и съ постановленіями нашего древняго права, или во всякомъ случаѣ являлся квалифицированнымъ поджогомъ 2 вида, какъ и поджогъ лѣсовъ.

умышленномъ — „по недружбѣ“, и 2) о поджогѣ неосторожномъ — „пастуховымъ небреженіемъ“. Однако, ни санкціонирующая часть статьи, ни заключительныя слова ея („учинится *безъ хитрости*“) не соотвѣтствуютъ такому раздѣленію и тѣмъ наглядно доказываютъ, что Уложение, какъ кодексъ переходнаго въ этомъ отношеніи времени, смѣшиваетъ еще практически умышенное дѣяніе съ неосторожнымъ, хотя принципиально уже и пытается такъ или иначе отличить ихъ. Сравнительно съ предшествовавшей эпохой прогрессъ здѣсь оказался, слѣдовательно, въ расширеніи сферы уголовно наказуемыхъ дѣяній посредствомъ выдѣленія изъ области случая вины неосторожной и включенія ея въ область умысла.

Кромѣ поджога лѣсовъ, Уложение въ ст. 224 и 225 упоминаетъ о поджогѣ нивъ и огородовъ, причемъ въ первой статьѣ имѣетъ въ виду поджогъ неосторожный, влекущій за собой гражданскую отвѣтственность виновнаго, а во второй — случайный, оставляемый безъ всякихъ послѣдствій.

„А будетъ кто учнетъ на нивахъ своихъ жечь
 „солому или на лугахъ траву, и въ время огонь
 „разгорится и пожжетъ чужіе нивы или огоро-
 „ды, и въ томъ на него будутъ челобитчики,
 „и про то сыскати. Да будетъ по сыску объ-
 „явится, что онъ учинилъ то хитростію, пус-
 „тилъ огонь по вѣтру, и чужіе нивы или ого-
 „роды не отняли своею лѣнностію, а отняли бы-
 „ло мощно, и на немъ истцамъ убытки ихъ
 „велѣти доправити по сыску“ (Улож. гл. X,
 ст. 224) ¹⁾.

¹⁾ Собственно говоря, здѣсь имѣется въ виду высшая степень неосторожности (*luxuria*) и преступное бездѣйствіе, — такъ что приве-

„А будетъ по сыску такое пожженіе учинится
 „безъ хитрости, что свои нивы или траву за-
 „жегъ въ тихое время а послѣ того огонь раз-
 „жегся отъ вѣтру, а вѣтръ пришолъ буреоу
 „или вихромъ вскорѣ, и за такое пожженіе на
 „отвѣтчикахъ истцовыхъ исковъ не правити,
 „потому, что такое запаленіе учинится изволени-
 „емъ Божіимъ, а не отвѣтчиковымъ умысле-
 „ніемъ“. (Улож., гл. X, ст. 225).

Во всѣхъ безъ исключенія вышеприведенныхъ стать-
 яхъ Уложеніе, какъ мы имѣли случай убѣдиться, нигдѣ
 не даетъ указаній ни на то, что оно считаетъ пригото-
 вленіемъ, покушеніемъ и совершеніемъ при поджогѣ, ни
 на то, поскольку и какъ наказуемы первые два момента
 реализаціи во внѣ преступной воли. Но что они въ то
 время были наказуемы и по всей вѣроятности очень жест-
 токо, объ этомъ можно заключать уже по тѣмъ тяже-
 лымъ послѣдствіямъ, какія влекла за собою простая по-
 хвальба поджечъ чей либо домъ, гумно съ хлѣбомъ и т. п.
 Похвалявшійся, по жалобѣ угрожаемаго и по сыскѣ,
 обязанъ былъ представить поручителей въ томъ, что „ему

денный случай скорѣе должно было бы отнести къ разряду умыш-
 ленныхъ дѣяній (*dolus eventualis seu indeterminatus*); но соответ-
 ствующее постановленіе источника — Кормчей говоритъ противное.
 Параллельное мѣсто Кормчей гласитъ: «Аще ли кто тростіе своя
 нивы или терніе хотя пожещи, повержетъ огонь на ня, огонь же бол-
 ма паче проидеть и пожесть и чужія нивы или чужъ виноградъ,
 подобаеъ испытати послухи, аще по неискушенію или лѣнностію
 ввергшаго огонь бысть се, безщцетно вреженому да творить; аще ли
 во днѣ многа вѣтра кто огонь ввержетъ и не ублюдетъ да не про-
 изыдетъ огонь болма паче, яко не брегій, лѣннися, осуждается».
 (Корм. гл. 49 зач. 16, ст. 29).

такихъ дѣлъ не сдѣлать“ ¹⁾); если же онъ поручителей представить не могъ, Уложеніе предписываетъ „вкнутъ его въ тюрьму до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ онъ въ томъ по себѣ поруки зберетъ“ ²⁾. Въ случаѣ же причиненнаго неизвѣстно кѣмъ пожара того двора, гумна и пр., поджечь которые похвалялся взятый на поруки или вкнутый въ тюрьму—ему грозитъ пытка, имѣвшая цѣлью выяснить—дѣйствительно ли поджогъ учиненъ похвалявшимся, или нѣтъ. Но тотъ или другой результатъ пытки отнюдь не вліялъ на гражданскую отвѣтственность: похвалявшійся самъ или его поручители обязаны были во всякомъ случаѣ уплатить всѣ убытки погорѣвшему. „А только тотъ“, заключаетъ затѣмъ статью Уложеніе, „кто лихими дѣлы похвалялся, въ лицахъ будетъ, и съ пытки на себя въ томъ воровствѣ говорити не учнетъ, и онъ отъ того дѣла свободенъ. А что онъ въ томъ дѣлѣ пытанъ будетъ, и то ему учинится отъ себя потому, на что было ему похвалятися лихими дѣлы“. (Улож. гл. X, ст. 202).

При стеченіи преступленій, поджогъ являлся—на равнѣ съ убійствомъ—важнѣйшимъ изъ отягчающихъ вину обстоятельствъ. Такъ, за разбой учиненный въ первый разъ Уложеніе повелѣваетъ отрѣзать у преступника послѣ пытки правое ухо, посадить на три года въ тюрьму, а затѣмъ сослать въ украинскіе города. Между тѣмъ какъ при наличности убійства или поджога, преступникъ карается также, какъ и за разбой, учиненный во второй разъ, т. е., смертною казнію.

„А которые разбойники говорятъ, на себя въ распросѣ и съ пытокъ, что они были на од-

¹⁾ Ст. 202, гл. X Улож.

²⁾ Ibid.

„номъ разбоѣ, да на томъ же разбоѣ учинили
 „убійство или пожгли дворы или хлѣбъ, и тѣхъ
 „разбойниковъ и за первый разбой казнити
 „смертію“. (Улож. гл. XXI, ст. 18).

Этимъ и исчерпываются опредѣленія о поджогѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Со времени его изданія наше законодательство, какъ извѣстно, въ теченіи почти 200 лѣтъ дѣлаетъ тщетныя попытки то издать новое Уложеніе, то свести въ одно цѣлое и очистить законодательный матеріалъ, накопившійся отъ 1649 года въ формѣ новоуказныхъ статей. Сказать опредѣленно, какіе указы и статьи имѣли силу въ отношеніи извѣстнаго преступленія за данный періодъ времени—нѣтъ никакой возможности. Самъ законодатель, выступавшій при изданіи какого либо указа съ обычной формулой—что узаконяется настоящимъ указомъ то считать въ прежнихъ отмѣненныхъ, что нѣтъ, то остается въ своей силѣ—не зналъ этого, не знали этого и примѣнители закона—судьи. Канцелярія суда по каждому судебному дѣлу составляла реестръ тѣхъ статей и указовъ, которые имѣли къ нему извѣстное отношеніе; но выборъ статей при рѣшеніи, да и самое внесеніе тѣхъ или другихъ изъ нихъ въ судный реестръ зависѣли—въ первомъ случаѣ отъ произвола судьи, во второмъ—отъ произвола канцеляріи. Не рѣдки, кромѣ того, были случаи, когда извѣстное преступленіе обсуждалось сразу на основаніи нѣсколькихъ статей и указовъ, скомбинированныхъ, напр., такъ, что изъ одной статьи или указа брали диспозитивную часть, изъ другой только санкцію и т. п.

Само собою разумѣется, что сейчасъ высказанное важно главнымъ образомъ для общей характеристики законодательныхъ работъ даннаго періода (1649—1832), и су-

дебной практики за это время, — для изслѣдователя же исторіи того или другаго преступленія оно важно лишь постольку, поскольку объясняетъ отсутствіе общихъ началъ при нормированіи изв. преступленія, казуистичность относящихся сюда опредѣленій и необходимость въ силу всего этого, вмѣсто цѣльной новой картины, указывать лишь на позднѣйшія подрисовки, а пожалуй даже и искаженія, картины старой.

Законодательная дѣятельность послѣ Уложенія 1649 года, проявлявшаяся въ формѣ новоуказныхъ статей, вплоть до изданія Военскаго и Морскаго Уставовъ Петра В., ничего почти не сдѣлала новаго въ отношеніи преступленія поджога за исключеніемъ введенія въ употребленіе казни чрезъ повѣшеніе, какъ альтернативы къ практиковавшемуся со времени Уложенія сожженію ¹⁾. Однако „пожарное раззоренье“, бывшее, — надо думать въ ту эпоху обычнымъ явленіемъ, побуждаетъ правительство, не довольствуясь установленными за поджогъ смертными казнями, прибѣгать и къ полицейско-предупредительнымъ мѣрамъ. Въ Москвѣ учреждаются постоянные объѣзды, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе

---

¹⁾ См. указы отъ 25 мая 1654 года и отъ 2 Марта 1683 г.— W. Sokolsky, въ своемъ «Beitrag zur Lehre,» стр. 34, приводитъ указъ отъ 24 іюля 1699 года, какъ узаконяющій для зажигателей кнутъ и ссылку; но это, вѣроятно, просто недосмотръ со стороны почтеннаго автора. Указъ 24 Іюля 1699 г. говоритъ о наказаніи кнутомъ и ссылкѣ тѣхъ только, которые, придя на пожаръ безъ огнегасительныхъ снарядовъ стануть входить въ дома лишь съ цѣлію грабежа и воровства. Тоже наказаніе постигаетъ солдатъ и посадскихъ, обязанныхъ являться на пожаръ, если и они—подобно первымъ—займутся грабежомъ или воровствомъ. Вообще указъ имѣетъ въ виду полицейскія правила и нарушеніе ихъ при тушеніи пожара, а о поджигателяхъ и наказаніи ихъ не упоминаетъ ни слова.

за исполненіемъ со стороны горожанъ правилъ, предписанныхъ въ предупрежденіе пожарныхъ случаевъ. Жителямъ Москвы запрещается сидѣть съ огнемъ до очень поздняго времени и топить свои избы и бани, въ особенности въ дни жаркіе и вѣтряные. Предупреждающая дѣятельность правительства заходитъ такъ далеко, что оно предписываетъ даже опредѣленные часы для варки пиши, и особо говоритъ о томъ, гдѣ нужно варить эту пищу и гдѣ и какъ слѣдуетъ устраивать печи и обезопасивать ихъ въ пожарномъ отношеніи.—Изъ трехъ извѣстныхъ мнѣ и относящихся сюда указовъ, именно: 1649 г. Апрѣля 6-го, 1667 года Апрѣля 17 и 1675 года Апрѣля 14—последній имѣетъ нѣкоторое значеніе и для исторіи преступленія поджога, такъ какъ упоминаетъ, хотя мимоходомъ только, о наказуемости несоблюденія полицейскихъ правилъ осторожности, когда послѣдствіемъ такого несоблюденія явился пожаръ.

„И буде послѣ заказу“, говорится здѣсь, „какъ имъ сказано будетъ, тѣ Боярскіе люди самозольствомъ своимъ учнутъ избы и мыльни топить и въ вечеру поздно съ огнемъ сидѣть, и на которомъ Боярскомъ дворѣ отъ тѣхъ Боярскихъ людей учинится пожаръ и тѣмъ боярскимъ людямъ быть въ торговомъ наказаніи безо всякія пощады.

Такимъ образомъ, спустя 26 лѣтъ по изданіи Уложенія, русскій законодатель уже ясно начинаетъ сознавать и проводить на практикѣ различіе между умысломъ и неосторожностію, облагая послѣднюю—даже при высшихъ степеняхъ ея и притомъ при преступленіи важнѣйшемъ и обстоятельствахъ не совѣмъ, повидимому, обыкновен-

ныхъ—простою торговою казнію, т. е. наказаніемъ кнутомъ ¹⁾.—Смертная казнь на одной сторонѣ,—кнутъ на другой—различіе очень рѣзкое.

Воинскій (1716 г.) и Морской (1722 г.) Уставы Петра Великаго по смыслу и цѣли своего возникновенія представляются, собственно говоря, спеціальными узаконеніями съ тѣсно ограниченою въ отношеніи лицъ сферою примѣненія. Первоначальная цѣль ихъ изданія состояла отнюдь не въ устраниеніи въ соотвѣтствующихъ частяхъ общихъ законовъ (Уложенія 1649 г.),—а только въ установленіи особыхъ нормъ и правилъ для одного изъ сословій—служилаго.—Но, благодаря особымъ условіямъ жизни русскаго общества 18 ст., благодаря отсутствію органическаго законодательства и хаосу накопившихся, часто другъ другу противорѣчившихъ, узаконеній, Уставы Петра I-го получили во многихъ случаяхъ значеніе общихъ уголовныхъ законовъ и принимались практикою тогдашнихъ судовъ наравнѣ съ Уложеніемъ 1649 года. Нельзя не замѣтить, что этому много способствовалъ также и самый характеръ военнаго законодательства 17 и 18-го столѣтій. Если въ настоящее время высказываются противъ изыятія отдѣльныхъ сословій изъ круга дѣйствія общихъ законовъ государства, то въ эпоху Петра мы видимъ явленіе обратное противоположное. Господствовавшій тогда взглядъ на военное сословіе, какъ на сословіе совершенно особое въ ряду другихъ, настоятельная, затѣмъ, необходимость дисциплинировать войска,

---

¹⁾ Въ указѣ отъ 6 апрѣля 1649 г., напротивъ, за такое же неумышленное подожженіе назначается, подъ вліяніемъ, вѣроятно, чрезвычайныхъ обстоятельствъ, смертная казнь: «а то имъ всякихъ чиновъ людемъ сказать именно, только чымъ небреженіемъ отъ кого учинится пожаръ и тому отъ Государя быть казнену смертію.

обнаружившія во время знаменитой тридцатилѣтней войны въ сильной степени инстинкты грабежа и насилія— все это побуждало военныхъ законодателей издавать такіе кодексы военнаго уголовнаго права, дѣйствіе которыхъ вполнѣ исключало—не только во время войны, но и во время мира—примѣненіе къ служилымъ людямъ общихъ уголовныхъ законовъ. Понятно, что въ слѣдствіе этого названные кодексы являлись въ матеріальномъ отношеніи настолько-же полными, какъ и законодательные сборники общаго уголовнаго права, такъ что въ случаѣ нужды могли до извѣстной степени замѣнить собою недостатокъ послѣднихъ, примѣръ чего мы и видимъ у насъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Было бы однако большою ошибкой, изъ простаго факта такой замѣны, выводить заключеніе, что уголовно-правовыя постановленія Воинскаго и Морскаго Уставовъ ничѣмъ качественно не отличались отъ соотвѣтствующихъ постановленій общихъ законовъ. У военнаго законодателя на первомъ планѣ стояли соображенія чисто дисциплинарныя, съ уголовнымъ правомъ самимъ по себѣ ничего общаго не имѣвшія, въ силу чего, разумѣется, онъ выдвигалъ иногда въ своихъ постановленіяхъ такіе моменты, которые придавали имъ особый, специфическій характеръ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что въ отношеніи памятниковъ, подобныхъ Устамъ Петра, задача историка-исслѣдователя общаго уголовнаго права должна сводиться не къ тому, чтобы изложить во всѣхъ подробностяхъ опредѣленія ихъ на тотъ или другой случай,—а къ тому, чтобы подняться до самыхъ общихъ, усвоенныхъ ими категорій и принциповъ, какъ такихъ, которые господствовали и всегда должны господствовать надъ всякими временными или спеціальными соображеніями законодателя. Самая-же необходимость при историческомъ очеркѣ пре-

ступленія поджога излагать опредѣленія Воинскаго и Морскаго Уставовъ Петра—помимо прежняго практическаго въ данномъ отношеніи значенія этихъ памятниковъ—обусловливается также и тѣмъ, что постановленія ихъ на этотъ счетъ, наряду и наравнѣ съ Уложеніемъ 1649 г. и другимъ законодательнымъ матеріаломъ, кладутся въ основу проектовъ уголовного Уложенія комиссій 1754—66 гг. и 1813 года и—что еще важнѣе—въ основу опредѣленій о поджогѣ XV тома Свода Законовъ 1832 г.

Переходя послѣ этихъ краткихъ, вводныхъ замѣчаній къ разсмотрѣнію постановленій о поджогѣ Воинскаго и Морскаго Уставовъ Петра I, слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что они не отличаются ни особой полнотой, ни содержательностію. Поэтому все значеніе ихъ въ исторіи законодательства о поджогѣ сводится единственно только къ тѣмъ новымъ началамъ, которыя положены въ ихъ основу и которыя состоятъ: 1) въ ясномъ различеніи *dolus* и *culpa*, что въ Уложеніи, какъ мы видѣли, мѣста не имѣло, и 2) въ уравниеніи по наказуемости пособниковъ съ главными виновниками, что въ Уложеніи имѣло мѣсто лишь при поджогѣ въ смыслѣ государственнаго преступленія, т. е., при поджогѣ учиняемомъ ради цѣлой измѣны ¹⁾. Основаніемъ для дѣленія поджога на виды оба Устава принимаютъ исключительно только моментъ субъективный—качество воли преступника при

¹⁾ Такое уравниеніе W. Sokolsky, въ своемъ *Beitrag zur Lehre.*, стр. 35, объясняетъ вліяніемъ на законодательство Петра Великаго римскаго права. Соглашаясь по существу съ его объясненіемъ, можно только еще добавить, что по всей вѣроятности—въ данномъ случаѣ не малую роль играли и дисциплинарныя соображенія законодателя; этого послѣдняго обстоятельства по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, никогда не должно упускать изъ виду при обсужденіи постановленій Уставовъ Петра.

осуществленіи имъ своего дѣянiя, такъ что, слѣдов., поджоги по нимъ, независимо отъ свойствъ и рода объектовъ его, является или 1) какъ умышленное, или 2) какъ неосторожное поврежденіе или истребленіе огнемъ всякаго вообще чужаго имущества.

Относительно поджога перваго вида воинскій Уставъ востанавливаетъ слѣдующее:

„Кто изъ офицеровъ или рядовыхъ, самоволь-
 „ствомъ и нарочно, безъ указу въ маршу, го-
 „родъ, сѣло и деревню, или церкви, школы,
 „шпитали и мельницы, зажжетъ: печи, или нѣ-
 „которые дворы сломаеъ, также крестьянскую
 „рухлѣдь и прочее что потратитъ, оной куп-
 „но съ тѣми, которые помогали, яко зажигатель
 „и преступитель уложенiя имѣетъ быть казненъ
 „и сожженъ„. (В. У., гл. 21, арт. 178).

Если взять эту статью саму по себѣ, то, очевидно, она всецѣло построена на дисциплинарныхъ соображенiяхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слова „безъ указу въ маршу“, т. е. во время похода и безъ предписанiя высшей военной власти. Но, какъ уже было сказано выше, данное обстоятельство не препятствовало судамъ 18 вѣка примѣнять постановленiя Уставовъ—отбрасывая, разумѣется, напередъ все то, что дѣлало ихъ закономъ спеціальнымъ—и къ лицамъ невоеннымъ, незнавшимъ никакихъ походовъ и воинскихъ уставовъ. Изъ сдѣланнаго здѣсь перечисленiя объектовъ поджога нельзя вывести никакого заключенiя относительно того—имѣлъ ли въ виду законодатель Воинскаго Устава дѣленіе поджога на поджоги жилыхъ строенiй и другихъ объектовъ собственности,—или-же, что гораздо вѣроятнѣе, онъ созна-

тельно, вопреки Уложению 1649 года, опустил здѣсь всякое различіе, подобно тому какъ онъ сдѣлалъ это и въ отношеніи наказуемости главныхъ виновниковъ и пособниковъ. Самый родъ наказанія—казнь чрезъ сожженіе—представляется прямо заимствованнымъ изъ Уложения 1649 года, при чемъ, очевидно, суррогатъ его—повѣшеніе, введенное указами отъ 25 Мая 1654 г. и отъ 2 марта 1683 года, былъ просмотрѣнъ или просто игнорированъ.

Морской Уставъ 1722 года ничего въ сущности не прибавляетъ новаго къ постановленіямъ объ умышленномъ поджогѣ арт. 178, гл. 22 В. Уст.; онъ только вводитъ въ кругъ своихъ опредѣленій новые предметы: судно, такелажъ, провіантъ и т. под., т. е., расширяетъ нѣсколько преступленіе поджога со стороны объективной:

„Всѣ тѣ, которые нарочно зажгутъ или потопятъ какой корабль или магазинъ, или иное какое судно, или какую амуницію, или провіантъ или такелажъ свой, или пріятельской¹⁾, будутъ казнены смертію“ (М. У. кн. V, гл. 4, ст. 46).

Что касается поджога втораго вида—неосторожнаго, то по Военскому Уставу онъ влечетъ за собой обязанность возмѣститъ происшедшій отъ дѣянія убытокъ и кромѣ того уголовное наказаніе, опредѣляемое судомъ на основаніи степени и качества неосторожной вины.

„А ежели какимъ небреженіемъ и неосторожностію, или виною офицеровъ, или солдатъ,

¹⁾ Т. е., дружественныхъ съ Россіей націй.

„такіе подобныя пожары въ квартирахъ или индѣ гдѣ учинятца, то оныя, которые въ томъ виновны убытокъ по судейскому приговору награждать и сверхъ того по изобрѣтенію вины и неосторожности, наказаніе имѣеть быть“ В. У. гл. 22., арт. 179).

То же постановленіе буквально почти повторяется и въ гл. 21 арт. 87 В. Устава подъ титуломъ „о квартирахъ и лагеряхъ“, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь рѣчь идетъ исключительно „о своихъ (офицеровъ или рядовыхъ) квартирахъ“ безъ добавочныхъ словъ арт. 179 „или индѣ гдѣ“, и что въ началѣ артикула стоитъ общее предписаніе—

„Со свѣчею и огнемъ имѣеть всякъ въ своей квартирѣ осторожно и бережно ходить“.

Изъ толкованія Петра, приведеннаго подъ арт 87, гл. 21, выясняется далѣе, что случайный поджогъ своей квартиры остается безнаказаннымъ, — между тѣмъ какъ, наоборотъ, поджогъ умышленный—ставитъ виновнаго въ отношеніи наказанія въ положеніе зажигальщика вообще, т. е., грозитъ ему смертною казню чрезъ сожженіе.

„А ежели учинится сіе съ умыслу, тогда виновный въ томъ наказанъ будетъ яко зажигальщикъ. А буде же невинно и отъ неосторожности внезапно: тогда оный отъ наказанія свободенъ быть имѣеть. Ибо о внезапномъ случаю никто отвѣта дать не долженъ“.

Болѣе подробныя—если даже не болѣе цѣнныя—постановленія о поджогѣ неосторожномъ даетъ Уставъ Морс-

кой. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Петръ В. различаетъ 1) неосторожность, проистекающую, такъ сказать, изъ чисто служебныхъ отношеній—небрежность командировъ судовъ по отношенію къ своимъ обязанностямъ,—и затѣмъ 2) неосторожность въ обыкновенномъ, принятомъ въ уголовномъ правѣ, смыслѣ слова, т. е., извѣстное качество и направленіе воли лица при осуществленіи имъ даннаго дѣянія.

Перваго вида неосторожность распадается въ свою очередь на двѣ степени, изъ которыхъ высшая влечетъ за собою смертную казнь, а другая—низшая только вѣчную ссылку на галеры.

Такъ, арт. 47-й, гл. 4, Кн. V и присоединенное къ нему толкованіе—гласятъ:

„Если капитанъ или какой нибудь офицеръ морской, *командующій* кораблемъ потеряетъ свой корабль на морѣ, разбитіемъ на камень или на берегъ, или отъ огня сгоритъ, повиненъ быть взятъ за арестъ ¹⁾. А ежели явится, что оная гибель сдѣлалась его небреженіемъ, и за то будетъ казненъ смертію, или сосланъ вѣчно въ галерную работу, по важности вины, смотря.

Толкованіе:

„Небреженіе можетъ толковаться на двое: 1)
„Ежели о какой опасности стануть ему гово-

¹⁾ Трудно сказать, имѣетъ ли здѣсь арестъ значеніе слѣдственной мѣры или просто значеніе наказанія за случайно приключившееся несчастье. Послѣдующія слова: «А ежели явится—позволяютъ, по крайней мѣрѣ, одинаково думать какъ первое, такъ и второе.

„рить, или онюю видить самъ, а ни во что по-
 „ставить, или прочимъ сему подобнымъ, яко-бы
 „нарочно не смотря того: то за важное приѣм-
 „лется. 2) Ежели ради лѣности какой и покоя
 „не досмотрить самъ, и повѣрить и положится
 „во всемъ на другихъ, или иное тому подобное,
 „то легче судится“.

Гораздо важнѣе для насъ въ настоящемъ случаѣ опре-
 дѣленіе о наказуемости втораго вида неосторожности—
 неосторожности лицъ непосредственно стоявшихъ у дѣ-
 ла, важнѣе потому именно, что имъ впервые провозгла-
 шается начало уступенія наказанія за поджогъ въ зави-
 симости отъ размѣровъ причиненнаго дѣяніемъ ущерба ¹⁾).

Послѣпетровское законодательство продолжало норми-
 ровать преступленіе поджога въ духѣ Уложенія 1649 г.
 и Военскаго и Морскаго Уставовъ. Съ такимъ, именно,
 характеромъ является указъ отъ 30 сентября 1737 года,
 который былъ изданъ по поводу громаднаго пожара въ
 Петербургѣ, происшедшаго вслѣдствіе умышеннаго под-

¹⁾ «Ежели чрезъ небреженіе», постановляетъ арт. 48 гл. 4 кн. V М. Устава, «корабль загорится и сгорить: то тотъ отъ кого то учинилось лишень будетъ живота. А ежели будетъ погашень: то на томъ отъ кого то учинилось, ежели офицеръ или кто имѣть довольно пожитковъ: то доправить тотъ убытокъ на немъ, что случится отъ того пожара, и сверхъ того вычестъ на шесть мѣсяцевъ жалованья, и оное-жъ время служить въ рядовыхъ. А буде платить нечѣмъ того убытка, то ему служить въ рядовыхъ безъ жалованья офицерскаго такое время, покамѣстъ тотъ убытокъ наградится его жалованьемъ, а въ то время пропитаніе будетъ имѣть только жалованьемъ рядоваго; а ежели рядовой въ томъ будетъ виноватъ: то ему будетъ учинено жестокое наказаніе и сосланъ на галеру вѣчно или временно, какъ въ воинскомъ судѣ опредѣлено будетъ, ежели платить будетъ нечѣмъ».

жога города со стороны двухъ проигравшихся въ зерьнъ крестьянъ—поденьщиковъ, Петра Петрова Водолаза и Владиміра Перфильева.

Приведа въ началѣ постановленія объ умышленномъ поджогѣ Уложенія 1649 года и Воинскаго Устава и изложивъ самый фактъ преступленія, указъ 30-го сентября 1737 г. старается, затѣмъ, пополнить нѣсколько тѣ пробѣлы въ детальномъ нормированіи преступленія поджога, какія были допущены законодательствомъ предшествовавшего ему времени. Такъ, въ соотвѣтствіе постановленію Воинскаго Устава о равнойъ наказуемости пособниковъ съ главными виновниками, онъ узаконяетъ также и равную съ ними наказуемость недоносителей (п. 4-й), что въ Уложеніи 1649 года, какъ извѣстно, имѣло мѣсто только въ отношеніи государственныхъ преступленій. Въ другомъ случаѣ, напротивъ, онъ дополняетъ и видоизмѣняетъ отчасти постановленіе Уложенія; именно, въ п. 5 онъ узаконяетъ за похвальбу и недонесеніе о ней жестокое сѣченіе кнутомъ и отобраніе подписки о несовершеніи впредь дѣянія,—тогда какъ въ Уложеніи за похвальбу назначается только отдача на поруки, а о недонесеніи не упоминается вовсе (Ул. гл. X ст. 202).—Самый характеръ этихъ узаконеній, нивелирующій всякія степени виновности, можетъ быть объясненъ только сознаніемъ со стороны законодателя общепасности преступленія поджога, что, между прочимъ, проглядываетъ и въ словахъ указа.—

„И учинился отъ того извѣстный великій пожаръ, и сожалительное бѣднымъ обывателямъ раззореніе“.

Съ тѣми-же началами, какія приняты Уложеніемъ, Уставами и указомъ 30 сентября 1737 года—встрѣча-

емя мы и въ двухъ проектахъ редакціонной комиссіи 1754—66 г., посвящающихъ преступленію поджога особую, самостоятельную (39) главу, и за немногими исключеніями дающихъ о немъ буквально почти сходныя постановленія.

Прежде всего, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ проектѣ поджогъ распадается на отдѣльные виды, въ зависимости отъ объектовъ его и качествъ преступной воли. По объектамъ онъ дѣлится на 1) поджогъ строеній въ самомъ широкомъ смыслѣ слова (Гл. 39 ст. 1.) и 2) поджогъ всякихъ другихъ объектовъ собственности (ib. ст. 3.), — по качествамъ преступной воли — на 1) поджогъ умышленный, 2) неосторожный и 3) случайный.

Умышленный поджогъ перваго вида влечетъ за собою одинаковое наказанье — казнь чрезъ сожженіе ¹⁾, какъ для главнаго виновника, такъ и для пособниковъ, подстрекателей и доносителей, — съ тѣмъ лишь различіемъ, что изъ имущества главнаго виновника уплачиваются кромѣ того также и всѣ происшедшіе отъ дѣянія убытки (ст. 1). Умышленный поджогъ втораго вида облагается простою смертною казнію чрезъ отсѣченіе головы и вычетомъ соразмѣрной убытку части изъ имущества казненнаго, — но при этомъ здѣсь уже ни слова не упоминается о наказуемости другихъ категорій виновниковъ — пособниковъ, подстрекателей и доносителей (ст. 3). Неосторожный поджогъ влечетъ за собою лишь обязанность возмѣщенія ущерба (по проекту 1754 г. ст. 14) и наказаніе по полицейскому регламенту (по проекту 1766 г. ст. 8), — но для лицъ подлыхъ, „коимъ происшедшіе отъ того убытки заплатить будетъ нечѣмъ“ — наказаніе плеть-

¹⁾ «Сожженіе безъ всякаго милосердія» по проекту 1754 года и просто «сожженіе» по проекту 1766 г.

ми или кнутомъ, смотря по важности вины (ст. 16 пр. 1754 г. и ст. 10 пр. 1766 г.) ¹⁾. Случайный поджогъ не влечетъ за собой никакого наказанія и подобно тому, какъ въ Уложеніи 1649 г., на которое въ данномъ случаѣ и дѣлается ссылка—считается несчастіемъ, посылаемымъ Богомъ—„изволеніемъ Божиимъ“ (ст. 12 проек. 1754 г.; ст. 7 проек. 1766 г.). Похвальба учинить поджогъ, а также и подбрасываніе угрожающихъ поджогомъ писемъ—облагаются—первое наказаніемъ кнутомъ и взятіемъ росписки о несовершеніи впредь дѣянія, какъ и въ законѣ 30 сентября 1737 г., на который сдѣлана ссылка,—а второе—кнутомъ и ссылкой на каторгу съ предварительнымъ вырѣзаніемъ ноздрей,—причемъ это послѣднее опредѣленіе внесено „по разсужденію комиссіи“ 1754 г. (ст. 5 и 6). Проектъ 1766 года, повторяя эти узаконенія, уступаетъ наказаніе сообразно рангу виновнаго—отъ лишенія чиновъ и мѣсячнаго тюремнаго заключенія до наказанія кнутомъ и ссылки (въ обоихъ случаяхъ) „на казенную работу вѣчно“; но вырѣзаніе ноздрей даже и въ отношеніи „людей подлыхъ“ здѣсь уже мѣста не имѣетъ.

Что касается возрѣній тогдашняго законодательства на различныя степени реализаціи во внѣ преступной воли и ихъ наказуемость, то относительно этого даетъ дра-

---

¹⁾ Послѣдняго рода узаконеніе введено въ проектъ по разсужденію комиссіи и не основано на ссылкахъ на законы предшествовавшаго времени. Тѣлесныя наказанія только для лицъ малоимущихъ, и подлыхъ—отличительная черта тогдашняго чисто сословнаго законодательства. Однако не лишнимъ будетъ здѣсь указать на буквальное почти сходство даннаго опредѣленія съ постановленіемъ римскаго права: ....*Si vero casu i. e. negligentia aut noxam sarcire jubetur, aut si minus idoneus sit, levius castigatur* (L. 9 D. de incend. etc. (47, 9).

гоцѣнное свѣдѣніе ст. 42 гл. 39 проек. 1754 г., составленная по разсужденію комиссіи и отмѣненная комиссіей 1766 года.

„Ежели кто вознамѣрится сожженіе учинить и, приложя огонь или иныя огненные матеріи и составы, раскаясь самъ опять потушилъ и въ томъ повинную принесъ, а по слѣдствію явится, что онъ ту повинную принесъ не избывая за то казни, но отъ доброжеланія, и такого смертію не казнить, а учиня наказаніе плетьюми сослать въ отдаленные города на вѣчное житье“.

Изъ выраженія этой статьи — „ежели кто *вознамѣрится сожженіе* учинить“ — и изъ сопоставленія его съ послѣдующимъ содержаніемъ ея — можно заключить, что моментомъ совершенія поджога по проекту 1754 г. считается полное истребленіе или существенное поврежденіе подожженного объекта ¹⁾, — простое-же подожженіе и послѣдовавшее затѣмъ прекращеніе огня стоитъ на степени покушенія, — каковое, при доказанномъ чистосердечномъ и дѣятельномъ раскаяніи виновнаго, влечетъ мягкое — сравнительно — наказаніе плетьюми и ссылку въ украинскіе города.

Проекты комиссіи 1754—66 г. не получили, какъ извѣстно, утвержденія со стороны Елизаветы Петровны

¹⁾ Замѣчательно, что тоже самое начало принято и Уложеніемъ о наказаніяхъ 1845—66 г. въ ст. 1610, гдѣ моментъ покушенія опредѣляется понятіемъ «пожаръ въ самомъ началѣ», — а моментъ совершенія — по толкованію г. Неклюдова — понятіемъ «истребленіе или существенная порча подожженного объекта». См. Неклюдова, Руководство къ Особ. Ч. Уложенія т. III стр. 346.

и такимъ образомъ всѣ законодательныя работы ея царствованія не внесли въ данномъ случаѣ никакихъ улучшеній въ юридическую жизнь и отношенія имперіи. Однако потребность въ этомъ была на столько сильна, что, не смотря на безпрерывныя почти внѣшнія войны, русское правительство послѣдующаго времени съ удивительною настойчивостію продолжаетъ дѣлать попытки въ указанномъ направленіи. Екатерина II-я создаетъ грандіозный планъ выработать для Россіи совершенно новые законы,—но учрежденная ею всесословная коммиссія не достигаетъ своей цѣли и кончается ничѣмъ. Не съ меньшей силой и энергіей къ дѣлу кодификаціи приступаетъ правительство Александра I-го, не смотря на Наполеоновскія войны и московскій походъ. Но и коммиссія 1804—13 года не исполнили возложенныхъ на нихъ задачъ,—что, впрочемъ, было вполне естественно при крайнемъ недостаткѣ въ Россіи подготовленныхъ къ этому дѣлу лицъ и благодаря весьма скорому удаленію изъ коммиссіи главнаго руководителя всѣми работами—Сперанскаго, который одинъ только и могъ—какъ оказалось въ послѣдствіи—съ успѣхомъ довести до конца начатое дѣло ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, однако, труды названныхъ коммиссій—что касается по крайней мѣрѣ собранія и систематизаціи законовъ уголовныхъ—не прошли безслѣдно въ исторіи: до насъ сохранилось два проекта уголовного кодекса—проектъ составленный (между 1810 и 1813 г.) и изданный Якоби ²⁾ и проектъ коммиссіи

¹⁾ Такое значеніе Сперанскаго сознавали и сотрудники его по коммиссіи 1804 г., о чемъ свидѣтельствуютъ заключительныя слова Якоби въ его *Vorrede* къ своему *Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches für das Russische Reich*. Halle, 1818 г., стр. XXXIV.

²⁾ Якоби, докторъ философіи и *utriusque juris*, былъ назначенъ въ 1810 г. начальникомъ уголовного отдѣленія кодификаціонной

1813 года, представляющій собою второе изданіе перваго, но съ болѣе или менѣе значительными добавленіями и измѣненіями. Ни одинъ изъ этихъ проектовъ не получилъ силы закона, и не смотря на то они весьма важны и цѣнны для исторіи нашего уголовного законодательства—по двумъ причинамъ: 1) потому, что они въ значительной степени основаны на законодательномъ матеріалѣ предшествовавшаго имъ времени и, такимъ образомъ, представляютъ болѣе или менѣе удачный сводъ его и 2) потому, что легли во многихъ случаяхъ въ основу нынѣ дѣйствующаго Уложения о Наказаніяхъ 1845—66 г. Чтобы не вдаваться въ излишнія подробности, я кратко представлю постановленія о поджогахъ того и другаго проекта въ параллельной систематической схемѣ.

коммисіи и по порученію Сперанскаго занялся составленіемъ проекта русскаго уголовного кодекса. Работу эту онъ окончилъ какъ разъ ко времени удаленія изъ коммисіи Сперанскаго; коммисіи 1813 г. просмотрѣла ее, но нашла неудовлетворительною съ точки зрѣнія началъ, данныхъ предшествовавшею исторіею русскаго уголовного законодательства. Согласно указаніямъ новой коммисіи, Якоби измѣнилъ въ соотвѣтствующихъ отношеніяхъ свой первоначальный проектъ, послѣ чего онъ и былъ внесенъ на обсужденія кодификаціоннаго отдѣла Государственнаго Совѣта. Здѣсь этотъ второй проектъ подвергся—по словамъ Якоби—столькимъ измѣненіямъ и добавленіямъ, что онъ не могъ уже считать его дѣломъ собственныхъ рукъ своихъ,—а потому вскорѣ-же послѣ изданія (въ 1813 г.) коммисіею утвержденного проекта, издалъ на нѣмецкомъ языкѣ свой въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. См. Jakob, «Entwurf» etc., стр. I, XII, XIII.

Проектъ Якоби.

Проектъ коммисіи 1813 г.

1) Поджогъ чужаго имущества. 1) Поджогъ чужаго имущества.

А) Умышленный поджогъ:

А) Умышленный поджогъ:

а) Жилыхъ строеній:

а) Строеній вообще:

1) Простой.

1) Простой.

§ 579, „п. 1-й, 2-я полов. За умышленный поджогъ жилого или находящагося съ нимъ въ связи строенія, если онъ не сопровождался смертью или опаснымъ увѣщемъ для как. либо лица, и если у преступника не было намѣренія, пользоваться имъ, произвести грабежъ или учинить убійство—виновный подвергается:

§ 493. Кто злоумышленно зажигаетъ чужой домъ, строенія, суда, или же вещь, вблизи къ чужой собственности находящуюся, отъ чего произойдетъ пожаръ, тотъ подлежитъ наказанію:

—если онъ дворянинъ—

лишенію чиновъ и дворянства и вѣчной ссылки въ каторжную работу безъ выставки на эшафотъ;

— если простолюдинъ —

вѣчной ссылкой въ каторжную работу, предшествуемой наказаніемъ кнутомъ;

или

лишенію политическихъ и гражданскихъ правъ и вѣчной ссылкой на поселеніе—если онъ дворянинъ, и вѣчной ссылкой въ крѣпостную работу предшествуемой наказаніемъ кнутомъ, но безъ вырѣзанія ноздрей—если простолюдинъ.

политической или гражданской смерти, т. е., пожизненной ссылкой на галеры, предшествуемой лишеніемъ (1й степени) чести и клейменіемъ щекъ—для лицъ непривилегированныхъ.

Проектъ Якоби.

Проектъ коммисіи 1813 г.

2) Квалифицированный.

2) Квалифицированный.

§ 579. „п. 1, 1-я полов. За умышленный поджогъ жилого строенія или строенія, находящагося съ нимъ въ тѣсной связи, если при этомъ пожаръ причинилъ смерть челоѣку или если поджогъ учиненъ былъ въ намѣреніи, пользуясь имъ, произвести грабежъ или убійство—виновный подвергается:

§ 495. „Ежели умышленное зажигательство произвело городу или селенію большое опустошеніе, при чемъ многие лишались жизни;

§ 496. „Ежели зажигательство учинено во время явного бунта, или съ намѣреніемъ произвести оный;

то главные виновники подлежатъ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы;

смертной казни чрезъ повѣшеніе, предшествуемой для лицъ привилегированныхъ лишеніемъ (1-й степени) чести.

§ 494. „Ежели подожжена Церковь или Государевъ дворецъ;

„Ежели чрезъ зажигательство нанесена кому либо смерть или важное увѣще,

¹⁾ По проекту Якоби этотъ случай квалификаціи можно подвести подъ постановленіе о земской измѣнѣ 1-го класса, именно, въ § 181,

или оное сопровождаемо было другимъ преступленіемъ;

„Ежели зажигательство содѣлано ночью, или по заговору, также если по-дожженъ арсеналъ, пороховыя хранилища, казенныя магазейны, гошпитали и т. д.;

„Ежели зажигательство учинено временно въ разныхъ мѣстахъ, или зажигатель уже не въ первый разъ учинилъ преступленіе сіе;

когда тотъ, кому препорученъ надзоръ, самъ поджогъ препорученное его надзору;

то виновные подвергаются наказанію въ § 493 опредѣленному; но предшествующему выставкой къ эшафоту— для дворянъ, и вырѣзаніемъ ноздрей и тяжкимъ наказаніемъ кнутомъ—для простолюдиновъ.

Проектъ Якоби.

б) Необитаемыхъ строеній и другихъ объектовъ собственности.

§ 579, п. 2-й За умышленный поджогъ лѣсовъ, стеновъ или неснятыхъ еще полевыхъ плодовъ, необитаемыхъ и изолированныхъ строеній; положенныхъ на открытомъ (свободнымъ) мѣстѣ запасовъ продуктовоу и товаровъ, виновный, смотря по величинѣ опасности, разиѣру причиненнаго вреда и обнаруженной при этомъ злостности (Vbssheit) подвергается—

или

пожизненному заключенію въ крѣпость (для привилегированныхъ) или духтгаузъ (для непривилегированныхъ), предшествующему лишеніемъ чести на эшафотъ и наложеніемъ на лобъ клейма (для привил.) или наказаніемъ плетью отъ 25—100 ударовъ) рукою палача (для непривил.), —

или

сылкѣ на поселеніе съ лишеніемъ (2-й) чести и наложеніемъ клейма на синуѣ (для привил.) или въ соединеніи съ наказаніемъ плетью (отъ 25—100 ударовъ) рукою палача (для непривил.).

Проектъ коммисіи 1818 г.

б) Другихъ объектовъ собственности.

§ 500. „Кто умышленно зажигаетъ чужіе сѣнокосы, поля съ хлѣбомъ или лѣса, того наказывать:

разжалованіемъ и отобраніемъ знаковъ отличій безъ лишенія дворянства съ назначеніемъ жительства навсегда въ отдаленныхъ губерніяхъ;

а тѣхъ, кои не имѣютъ чиновъ и дворянства, тѣлеснымъ наказаніемъ кнутомъ и отсылкою на вѣчное поселеніе безъ заклеянія.

къ земскимъ измѣнникамъ 1-го класса причисляются: *«Alle welche Städte, Häfen, Schiffe, Veste Plätze, Artillerie oder andere*

Проектъ Яеоби.

Б) Неосторожный поджогъ.

§ 582. За неосторожный поджогъ, кромѣ возмѣщенія ущерба, виновный обязанъ уплатить въ качествѣ уголовного штрафа $\frac{8}{10}$ частей (при грубой неосторожности—*grobe Farlässigkeit*) или $\frac{2}{10}$ части (при малой неосторожности—*geringe Farlässigkeit*) или отбыть этотъ штрафъ въ тюрьмѣ, полагая за каждыя 25 рублей 24 часа заключенія.

Проектъ Яеоби.

II) Поджогъ собственнаго имущества.

§ 580. Кто свою собственность поджигаетъ и чрезъ то подвергаетъ опасности жизнь или собственность другихъ людей—наказывается, какъ и всякій другой поджигатель, по мѣрѣ умысленности или неосторожности.

§ 581. Если онъ сдѣлалъ это безъ опасности для другихъ; съ цѣлю только возбудить состраданіе и просить на погорѣлое или обмануть страхователя, или изъ другихъ дурныхъ побужденій—наказывается пухтгаузомъ отъ 2—3 лѣтъ и лишеніемъ (2 ст.) чести.

Проектъ коммисіи 1813 г.

Б) Неосторожный поджогъ.

§ 504. „Кто хотя не имѣлъ умысла истребить собственность другаго, но неосторожностью и оплошностію своею былъ единственною причиною истребленія чужаго дома, заведенія или другихъ вещей; таковаго сверхъ присужденія къ полному удовлетворенію и вознагражденію за убытки подвергать по мѣрѣ вины:

если онъ дворянинъ, чиновникъ, купецъ 1-й и 2-й гильдіи или вообще свободенъ отъ тѣлесныхъ наказаній

—содержанію подъ арестомъ въ домѣ, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, или подъ карауломъ, или за поручительствомъ о невыходѣ изъ дома, отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ.

—если онъ простолюдинъ—

наказанію плетью (отъ 10—100 ударовъ) и заключенію въ рабочіе и смиренительные дома на время, по усмотрѣнію суда опредѣляемое.

Проектъ коммисіи 1813 г.

II) Поджогъ собственнаго имущества.

§ 499. На сихъ-же правилахъ (§§ 493—498) наказывается тотъ, кто изъ корыстныхъ видовъ или въ намѣреніи вредить другому, зажигаетъ свой собственный домъ или вещи.

Vertheidigungsposten und Angriffsmittel aus Eigennutz oder Bösheit übergeben, z e r s t ö r e n oder unbrauchbar machen».

Кромѣ того, въ проектѣ Якоби предусматриваются случаи дѣятельнаго раскаянія подсудимаго (§§ 583, 584), какъ обстоятельства особенно смягчающаго наказуемость, чего нѣтъ въ проектѣ комиссіи 1813 года. Въ свою очередь въ этомъ послѣднемъ, въ отдѣлѣ о зажигательствѣ, особо трактуется о наказуемости разныхъ видовъ прикосновенности къ преступленію поджога (§ 497), — тогда-какъ у Якоби въ данномъ случаѣ имѣютъ силу общія положенія (§§ 117—122). Въ Уложеніе о Наказаніяхъ 1845—66 г. вошли на ряду съ другими и постановленія о вліяніи на наказуемость дѣятельнаго раскаянія, и постановленія объ особой наказуемости лицъ, прикосновенныхъ къ этому преступленію.

Что касается отличительныхъ, характерныхъ чертъ того и другаго проекта, то они—какъ видно изъ вышеизложеннаго—сводятся къ слѣдующему.

Проектъ Якоби кладетъ въ основу опредѣленій о поджогѣ начало особой опасности этого преступленія для лицъ и собственности, и вполне послѣдовательно проводитъ его въ своихъ немногихъ постановленіяхъ; но онъ не обнимаетъ здѣсь всѣхъ опредѣленій русскаго уголовного законодательства предшествовавшаго времени и часто вводитъ опредѣленія новыя—плодъ западной уголовной науки и иностраннаго законодательства ¹⁾. Напротивъ того, проектъ комиссіи 1813 года съ этой точки зрѣнія долженъ быть признанъ вѣрнымъ выразителемъ взглядовъ на поджогъ древняго русскаго законодатель-

---

¹⁾ Комиссія 1813 г. совершенно вѣрно охарактеризовала съ этой стороны первый проектъ Якоби (см. Jakob, Entwurf etc., Vorrede стр. XII),—о чемъ можно судить уже потому, что ея характеристика вполне приложима даже и къ разсматриваемому здѣсь второму проекту, исправленному согласно указаніямъ комиссіи.

ства, хотя именно въ силу этого онъ и уступаетъ проекту Якоби въ вѣрности и ясномъ проведеніи основныхъ началъ, и систематичности построения; кромѣ того, проектъ комиссіи отличается и большимъ количествомъ содержащихся въ немъ опредѣленій о поджогѣ, — что также вполне понятно, если принять во вниманіе большую его связь съ предшествовавшимъ законодательствомъ и необходимо прорастающую отсюда его казуистичность.

Крайне неопредѣленно и коротко нормировано преступленіе поджога въ XV т. Свода Законовъ 1832 г. Сопоставляя обиліе приведенныхъ здѣсь подъ каждымъ постановленіемъ ссылокъ и указаній на законы предшествоваваго времени и безусловную скудость опредѣленій о поджогѣ самого Свода Законовъ, — невольно приходитъ на мысль, что всѣ эти ссылки и указанія, утилизированныя только въ самой незначительной степени, главнымъ образомъ внесены ради придаваемой ими статьямъ Свода авторитетности.

Въ Сводѣ Законовъ, относящемъ зажигательство въ отдѣлъ „преступленій противъ правъ на имущества“ (т. XV, кн. 1, разд. 10, гл. II), нѣтъ даже, довольно твердо усвоеннаго предшедшимъ законодательствомъ, дѣленія поджога на поджогъ строеній и другихъ объектовъ собственности, — а просто только дается рядъ опредѣленій объ умышленномъ, неосторожномъ и случайномъ зажигательствѣ вообще. Такъ, умышленный поджогъ всякаго рода чужаго имущества, на основаніи §§ 685 и 686 XV т. Свода Законовъ, влечетъ за собою, какъ для главныхъ виновниковъ, такъ равно и для вспомогателей и недоносителей, лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжную работу ¹⁾; похвальба поджечь чью либо соб-

¹⁾ Только одинъ видъ поджога квалифицируется и именно, вслѣд-

ственность и недонесеніе про такую похвальбу—тѣлесное наказаніе чрезъ полицейскихъ служителей (§ 687); наконецъ, поджогъ неосторожный—обязанность возмѣщенія ущерба и наказаніе по разсужденію суда, соразмѣрно винѣ (§ 688). Случайный поджогъ остается безнаказаннымъ (§ 689).

Сводъ Законовъ, такимъ образомъ, въ XV т. §§ 685—689, какъ видно изъ приведеннаго содержанія ихъ, не только не даетъ ничего новаго сравнительно съ предшествовавшимъ ему законодательствомъ,—но, въ стремленіи къ обобщенію и краткости, игнорируетъ даже и тѣ немногія категоріи опредѣленій относительно поджога, какія оставилъ ему опытъ этого предшествовавшаго законодательства. Само собою разумѣется, что такая неудовлетворительная постановка дѣла скоро должна была дать почувствовать себя при первыхъ-же столкновеніяхъ съ дѣйствительностію. Общее несовершенство постановленій Свода Законовъ, вскорѣ послѣ его обнародованія, побуждаетъ правительство изыскивать средства къ исправленію его, — причемъ, утверждая систематическій способъ исправленія, Императоръ Николай I-й прямо высказался, что „нужно начать съ исправленія законовъ Уголовныхъ, коихъ недостатки въ особенности ощутительны“¹⁾. Второе отдѣленіе собственной Е. И. В. Канцеляріи, подъ руководствомъ графа Блудова, выработало проектъ новаго уголовного Уложенія, который въ 1844 году былъ внесенъ на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ и за-

---

ствіе его общепасности. Это—поджогъ карантинный, о которомъ говорится въ кн. 1, разд. VI, гл. 1, § 319, п. 3-мъ—подлежащій военному суду и облагаемый смертною казнію.

¹⁾ См. Гр. Блудова, Объяснительная записка къ проекту Уголовнаго Уложенія 1845 г., стр. XXV.

тѣмъ получилъ силу закона подъ именемъ Уложенія о Наказаніяхъ. Не смотря на то, что цѣль всѣхъ законодательныхъ работъ царствованія Николая I-го была опредѣлена имъ въ словахъ: *собраніе, сведеніе, усовершенствованіе* отечественныхъ законовъ составители Уложенія о Наказаніяхъ черпали во многихъ случаяхъ свой матеріаль изъ законодательствъ иностранныхъ, или создавали постановленія, руководясь своими, основанными на чувствѣ справедливости, умозрѣніями. Въ особенности это имѣло мѣсто въ отношеніи главы II-й отдѣла 1-го проекта, гдѣ подъ общимъ заглавіемъ „о истребленіи и поврежденіи чужаго имущества“ нормируется преступленіе поджога или зажигательства. Въ первомъ же примѣчаніи (къ ст. 2044) составители проекта сознаются, что „по весьма замѣчательной неполнотѣ нашихъ законовъ о семъ предметѣ, мы должны были руководствоваться какъ собственными на чувствѣ справедливости основанными соображеніями, такъ и примѣромъ постановленій нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствъ“.

И дѣйствительно, при ближайшемъ разсмотрѣніи относящихся сюда постановленій Уложенія о Наказаніяхъ 1845 года, не трудно замѣтить, что многія изъ нихъ очень мало — чтобы не сказать совсѣмъ не — имѣютъ связи съ опредѣленіями о поджогѣ предшествовавшаго законодательства. Что же касается „руководства примѣромъ постановленій нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствъ“, то оно бросается въ глаза — помимо всякаго сознанія составителей проекта — уже при первомъ сличеніи статей о зажигательствѣ Уложенія о Наказаніяхъ съ соответствующими статьями кодексовъ Баварскаго (1813 г.), Ганноверскаго (1840 г.) и др.

Этимъ я и закончу изложеніе историческаго очерка преступленія поджога по русскому праву.

Отличительная черта русскаго законодательства о поджогѣ, въ сравненіи его съ законодательствомъ римскимъ и германскимъ, можетъ быть опредѣлена двумя словами: она заключается въ отсутствіи въ его постановленіяхъ на этотъ счетъ ясно выраженныхъ, основныхъ руководящихъ принциповъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы разсмотримъ съ этой точки зрѣнія всю совокупность постановленій о поджогѣ, какія даетъ исторія русскаго законодательства, — то они представятся намъ въ видѣ массы разрозненныхъ опредѣленій и нормъ, изъ которыхъ большая часть построена на отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ или представляетъ собою заимствованіе изъ чуждаго намъ греко-римскаго и другихъ законодательствъ. Правда, и римское право, и германское и всякое другое точно также развивались на почвѣ частнаго случая, но тамъ, этотъ частный случай давалъ только сырой матеріаль, подвергавшійся затѣмъ законодательной и научной обработкѣ и классификаціи. Наиболѣе яркій примѣръ такого рода вещей представляетъ, какъ мы уже имѣли возможность убѣдиться, исторія римскаго законодательства въ отношеніи преступленія поджога. Въ періодъ республиканскій мы видимъ здѣсь по преимуществу накопленіе матеріала, рядъ случайныхъ законодательныхъ опредѣленій по поводу частныхъ случаевъ, — опредѣленій часто ничѣмъ между собою не связанныхъ и кромѣ того игнорирующихъ иногда самыя элементарныя начала вмѣненія. Но вотъ въ императорскій періодъ начинается усиленная работа юридической мысли; подъ вліяніемъ ея все случайное и временное начинаетъ мало по малу исчезать изъ законодательства; изъ частныхъ случаевъ выводятся соотвѣтствующія общія начала и затѣмъ весь

законодательный матеріалъ излагается и располагается съ точки зрѣнія этихъ общихъ руководящихъ началъ. — Совсѣмъ другую картину представляетъ намъ исторія права русскаго. Бѣдность юридической мысли, отсутствіе органическаго законодательства, отсутствіе, наконецъ, науки, которая принесла такъ много пользы въ Римѣ и Германіи—все это вело къ тому, что русское законодательство всегда было, и во многихъ случаяхъ является также и теперь, законодательствомъ частныхъ случаевъ въ широкомъ смыслѣ слова. Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго, что характерныя черты поджога въ ряду другихъ преступленій—опасность его для лицъ и общеполитическая опасность для собственности—никогда не достигаютъ въ русскомъ правѣ до степени ясно поставленныхъ руководящихъ началъ, хотя и сознаются отчасти и принимаются во вниманіе русскимъ законодателемъ уже со временъ древнѣйшаго памятника, Русской Правды. Болѣе строго и цѣлостно разработанное греко-римское право мало въ данномъ случаѣ принесло пользы нашему законодателю: гдѣ нѣтъ науки и научной критики, тамъ едва-ли можетъ имѣть мѣсто разумное и послѣдовательное заимствованіе. Авторитетъ греческаго права—вотъ все, что въ большинствѣ случаевъ нужно было русскому законодателю; тамъ-же, гдѣ онъ производилъ изъ него заимствованія, онъ чаще всего слѣдовалъ только буквѣ закона, не понимая положенныхъ въ основу его принциповъ, духа его).

¹⁾ W. S o k o l s k y, *ibid*, стр. 26. Почтенный авторъ справедливо замѣчаетъ, что Уложеніе 1649 года, заимствовавъ изъ Кормчей постановленіе, напр., ст. 228, гл. X Улож., откинуло установленное тамъ дѣленіе поджога на поджогъ въ городѣ и внѣ его, потому что не доразвилось, такъ сказать, до пониманія тонкихъ различій римско-правовыхъ опредѣленій.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	12 и 15 снизу	Stratrecht	Strafrecht
3	13 сверху	въ себѣ	въ себя
8	8 снизу	за	за
10	11 — —	соображенія	соображенія
15	15 снизу	удовлетворитъ	удовлетворить
32	1 сверху	„поджечь домъ подь головою“	„поджечь домъ надь годовую“
34	8 — —	равно какъ и всегда	равно какъ и не всегда
38	1 снизу	<i>квалифицированный</i>	<i>квалифицированный</i>
47	10 сверху	für	zum
49	15 снизу	Allgemeine	Allgemeines
50	6 сверху	seines	seiner
57	9 снизу	strafmässigen	strafmässigen
	5 —	Umständen	Umständen
	1 —	abgestraften	abgestraftet
60	18 сверху	очевидно	очевидно
61	14 — —	общественныхъ преступлений	общепасныхъ преступлений
73	4 снизу	упоминаетъ	упоминаетъ
76	1 — —	79 ст.	97 ст.
78	5 — —	додлинномъ	подлинномъ
80	15 сверху	къ этой мысли, по крайней мѣрѣ	къ этой мысли, по крайней мѣрѣ,
84	8 снизу	идѣтъ	идеть
85	12 — —	въ время	въ то время

